
ОГОНЁК
№ 2 ЯНВАРЬ 1960
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Город Рудный. В школу.
Фото В. Тарасевича.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 2 (1699)
10 ЯНВАРЯ 1960
38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

На первой странице обложки: Самый сильный человек — чемпион мира 1959 года в тяжелом весе инженер Юрий Власов.
Фото Дм. Бальтерманца.

ЗА ТРУДОВУЮ ДОБЛЕСТЬ

В канун Нового года Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К. Е. Ворошилов вручил медали «За трудовую доблесть» руководящим деятелям Коммунистической партии и Советского государства, работникам партийных и советских организаций, специалистам сельского хозяйства, ученым.

К. Е. Ворошилов вручает высокую награду Н. С. Хрущеву.

Слева направо: в первом ряду — А. Б. Аристов, К. Е. Ворошилов, Н. С. Хрущев, Т. Д. Лысенко, В. И. Эдельштейн, Н. Г. Игнатов; во втором ряду — Г. А. Денисов, М. П. Георгадзе, А. С. Шевченко, Г. И. Воробьев, Д. С. Полянский, В. В. Мацкевич, М. Т. Ефремов, П. Н. Демичев, В. И. Конотоп.

Фото А. Гостева.

После Пленума ЦК КПСС в колхозе имени Коминтерна намечают новые планы. ★ Курская руда поступила в мартены Липецкого металлургического завода. ★ Продолжается разговор читателей о женской гордости. ★ Советские и американские полярники встретились в южной точке земной оси. ★ Впервые публикуются две страницы для детского чтения.

КОЛХОЗ ВЗЯЛ СЛОВО...

Н. ТАРАСЕНКОВА

Фото М. Савина.

Отгуляли, отпраздновали... Митинг один провели в Мичуринске, другой — в колхозе. Поздравляли колхоз с высокой наградой — орденом Ленина. Поздравляли председателя сельхозартели имени Коминтерна Евгению Ивановну Андрееву с званием Героя Социалистического Труда. А тут и Новый год... Много песен было спето. Певучие в колхозе девчата. Много тостов было поднято. А потом смолкло в деревне. Утро тихое... Но вот заговорили машины, заскрипели полозья: везут корм на ферму. Начались будни...

Рано собираются в правлении, еще до рассвета. При электрических лампочках ведут беседу. Пришла Евгения Ивановна. И сразу полно людей в ее небольшом кабинете. В колхозе много хороших, дельных специалистов, и все молодежь.

Сейчас они склонились над почвенно-агрономической картой. Разговор за этой картой Евгения Ивановна называет борьбой за урожай.

Над картой склонились не только полеводы. Так поставлено здесь дело. При обсуждении любых вопросов каждый участвует. Нет лично моего дела, есть дело наше, общее.

Добились животноводы больших успехов. Но ведь если бы не полеводы!.. Если бы не полеводы, которые дали отличный урожай зерновых и кукурузы, то не видать бы и животноводам таких успехов.

Колхоз имени Коминтерна соревнуется с многими колхозами — с теми, что в Грузии, Белоруссии, Эстонии, на Украине. И вот приезжают гости: «Расскажите, Евгения Ивановна, как добились победы. Поделитесь опытом».

«Добились победы»! Евгения Ивановна всегда улыбается при этом. Многое входит в слово «победа».

Простой у Андреевой рассказ:

— Взяли мы тогда обязательство дать в 60-м году 170 центнеров мяса и 400 центнеров молока на 100 гектаров. Ахнули все. Большие это обязательства, знали и мы. Но, как говорится, семь раз отмерь, один раз отрежь. И отрезали. Все было проверено у нас, все взвешено. Колхоз взял слово. И на каждой ферме были свои обязательства, и у каждого работника были свои. Проверяли ежемесячно, почему не выполнили: поленились или обстоятельства не позволили? И каждый старался быть лучшим. А сейчас, после пленума, на котором Никита Сергеевич Хрущев о нашем колхозе говорил, хочется еще большие обязательства взять, еще больше сделать...

Да, новый год — новые думы, новые планы. Брали обязательства на 60-й год — выполнили еще в 59-м. Так что на 60-й внесли коррективы: дать 180 центнеров мяса и 450 центнеров молока, а в 63-м — на 100 гектаров сельскохозяйственных угодий по 250 центнеров мяса и 700 центнеров молока.

Уже давно разошлись колхозные специалисты. Каждый по своим делам. Но кабинет Андреевой никогда не бывает пуст, всегда тут люди. «Выбрать бы минутку да посмотреть почту!» — говорит Евгения Ивановна. А писем, писем! Одних поздравительных телеграмм сколько! И всем надо ответить, всем хочется сказать спасибо.

Вот письмо из Хабаровска от Дудова. Поздравляет Андрееву, пишет: «Ваш колхоз догнал и перегнал Америку». А вот письмо из Латвии от Кубина: «Мы все слушали ваше выступление по радио. И нам тоже захотелось быть в вашем дружном коллективе. Сейчас я капитан запаса. Мы бы с женой с удовольствием приехали работать в ваш колхоз. Надеюсь, что вы ответите мне». Таких писем много: «Примите в ваш колхоз имени Коминтерна».

— Ну что ж, — говорит Евгения Ивановна, — дела у нас большие, работы много. С открытой душой к вам. Приезжайте...

Колхозные специалисты обсуждают почвенно-агрономическую карту. Слева направо: зоотехник А. Филатов, бригадир полеводческой бригады Д. Рязанов, бригадир-садовод Е. Милованова, учетчик В. Лутцев, заместитель председателя колхоза А. Кузин, агроном В. Милованов, председатель колхоза, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета СССР Е. Андреева.

МАРАМИС: «Визит Н. С. Хрущева в Индонезию еще больше сблизит наши народы».

Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Индонезии А. Марамис.
Фото С. Фридлянда.

— Это будет событием огромного значения, — так оценил предстоящую поездку в Индонезию Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева Александер Марамис, Чрезвычайный и Полномочный посол Республики Индонезии в Москве, беседуя с корреспондентом «Огонька». — Визит советского премьера в мою страну особенно важен для Индонезии потому, что он происходит в обстановке, когда Н. С. Хрущев сделал в ООН свое предложение о полном и всеобщем разоружении. Индонезия очень заинтересована в том, чтобы на земле был мир. Мы хотим строить свою страну в условиях мира. Четырнадцать лет назад мы добились независимости. С тех пор индонезийцы стремятся уничтожить все последствия колониализма. Эта работа еще не окончена, перед страной еще стоят большие проблемы, оставленные колонизаторами. Будет хорошо, если советский премьер увидит своими глазами, как работает мой народ и что он делает, чтобы добиться полной политической, экономической и культурной независимости для своей страны.

Я уверен, что индонезийцы встретят советского гостя исключительно радушно. Отношения между нашими странами находятся в отличном состоянии. У нас нет разногласий, между лидерами наших стран установилось хорошее взаимопонимание. Мы успешно сотрудничаем, и этому сотрудничеству не мешают различные политические системы наших стран. Индонезия получила большие советские кредиты, много советских специалистов трудятся на моей родине, с каждым годом все больше индонезийских студентов приезжает в СССР, чтобы получить здесь образование.

Крепким и надежным фундаментом для развития сотрудничества является миролюбие наших стран, наших народов. Обе страны добиваются мира.

С полной уверенностью я могу сказать, что визит Н. С. Хрущева в Индонезию еще больше сблизит наши народы.

СТАЛЬ и ДРУЖБА

Сталь, чугун и прокат выпускает Бхилайский металлургический завод.

Они стали друзьями.

Новый город вырос в Индии. Он называется Бхилаи-нагар.

На земле Бхилаи стоит металлургический завод. Его стальные конструкции взметнулись ввысь, как знамя новой эпохи Индии — эпохи индустриализации. Он высится символом крепкой и бескорыстной дружбы двух стран — Советского Союза и Индии.

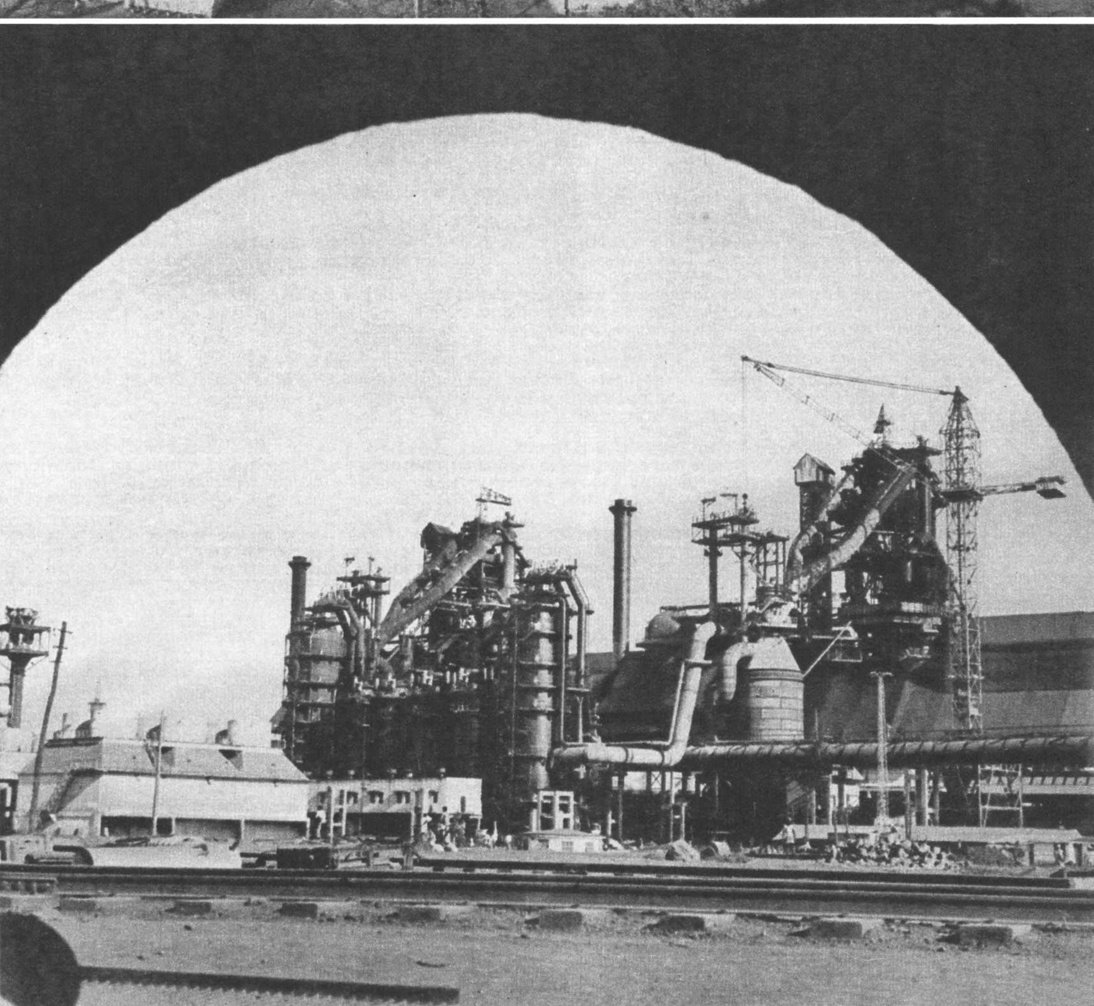
В сооружениях Бхилайского завода воплощены талант советских инженеров, мастерство советских рабочих. Четыреста предприятий нашей страны изготовляли продукцию для Бхилаи. Н. С. Хрущев писал недавно Джавахарлалу Неру: «Советский народ, прошедший большой путь борьбы за превращение своей страны из аграрной в высокоразвитую промышленную державу, хорошо понимает, какое огромное значение имеют для индийского народа первые успехи, достигнутые в деле индустриализации и укрепления экономической независимости Индии».

Советские специалисты в Бхилаи трудились вместе с индийскими рабочими. В совместном труде крепла дружба русских и индийцев. Директор Бхилайского завода Н. Ч. Шривастава говорит: «Не только сталь, но также бхилайцев — людей, выросших вместе с заводом,— вот что дала Индии стройка в Бхилаи».

Завод в Бхилаи — пример плодотворного сотрудничества двух великих народов.

Директор Бхилайского завода Н. Ч. Шривастава.

→ Домны Бхилаи.

Фото Индийского информационного агентства и В. Кассиса.

БОГАТАЯ РУДА КМА

Колонна автомашин везет первую руду.

Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ

Оставалось несколько дней до Нового года. На телеграфе было особенно много народу. Казалось, что все жители города Губкина — этого нового города горняков — одновременно решили поздравить своих родных и знакомых.

Молодой парень, ожидавший у стола свободного места, вынул из кармана маленький кусочек руды и показал соседу. Все оторвались от телеграфных бланков, стало шумно, посыпались вопросы, каждый хотел подержать руду в руках.

Это был кусок лебединской руды.

...Три года назад на месте, где прежде находилась деревня Лебеди, взяли первый ковш породы. Это было фактическим рождением Лебединского рудника. Здесь приступили к открытой разработке богатейших запасов руды Курской магнитной аномалии.

И вот в дни работы декабрьского Пленума ЦК КПСС горняки и строители рапортовали о своей победе: они добрались до руды.

Вскрыта богатейшая кладовая, о разработках которой мечтал еще Владимир Ильич Ленин!

Мы стоим на дне открытого карьера, напоминающего грандиозную воронку. Только здесь, на стометровой глубине, понимаешь, какая героическая работа была проделана за эти три года. Чтобы увидеть под ногами этот богатейший пласт, надо было вывезти на отвалы свыше двадцати пяти миллионов кубометров грунта!

В котловане шли последние приготовления к взрыву. Надо было взять руду для эшелона, который горняки обещали отгрузить к новому году липецким металлургам.

Взрыв назначили на десять часов. С утра в котловане было тихо и почти безлюдно. Всю технику отсюда вывезли ночью. Мощные экскаваторы остались на своих местах. Развернутые стрелами в сторону от места взрыва и как будто смущаясь своей бездеятельностью, стояли они с опущенными к земле ковшами.

Красные флажки показывали границу вскрытого рудного тела. Все напоминало обстановку военной операции. Подрывники молча подготовляли взрыв.

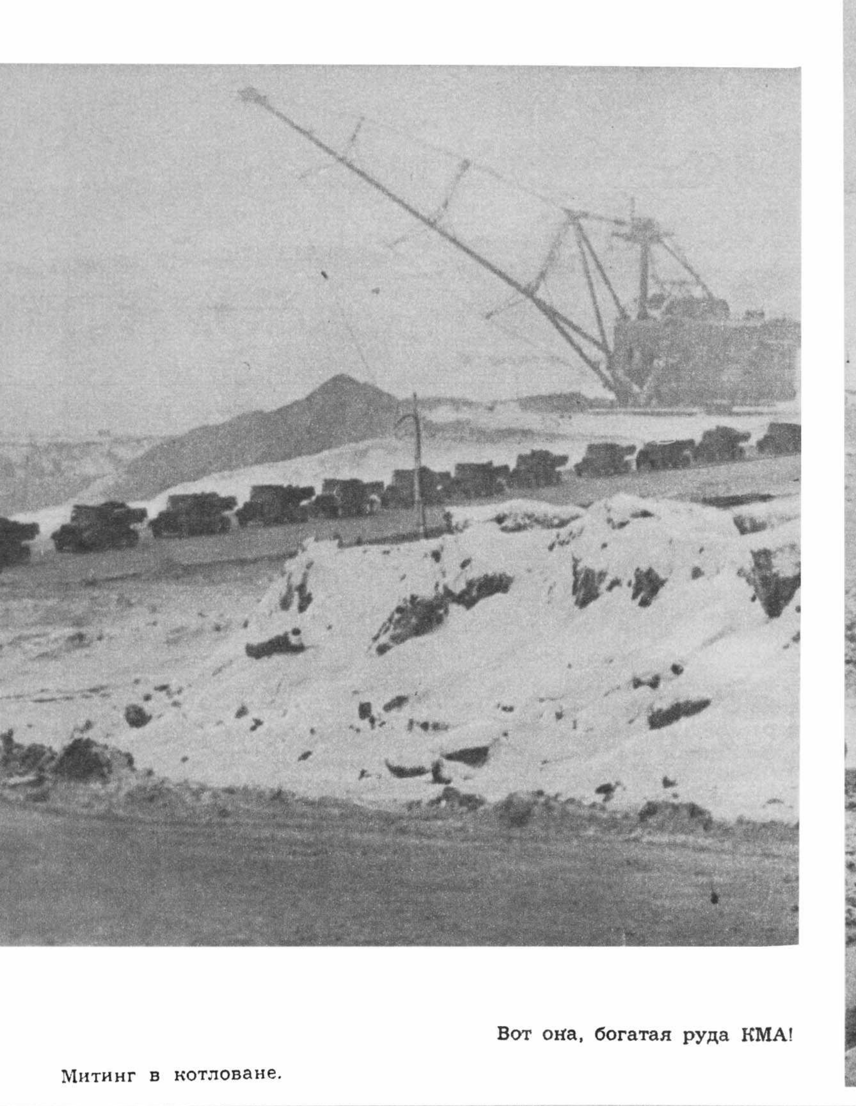
Снизу было хорошо видно, как много народу собралось. По всему краю котлована протянулся плотный строй людей. Нам, фотокорреспондентам и кинооператорам, разрешили расположиться поближе к центру взрыва. Правда, нас прикрывал большой экскаватор.

Гудок паровоза разорвал тишину, и через несколько секунд раздался взрыв.

Не успело затихнуть эхо, как мощное «ура» наполнило котлован. Сотни людей бежали вниз по откосам.

Поцелуи. Объятия. Куски руды переходят из рук в руки. И вновь звучит «ура».

На глыбах руды, как на завоеванной высоте, начался митинг. Выступают экскаваторщики, шоферы, горняки, инженеры. Все они в течение двух лет ждали этой счастливой минуты, чтобы сказать народу: «Вот она, богатая руда КМА!»

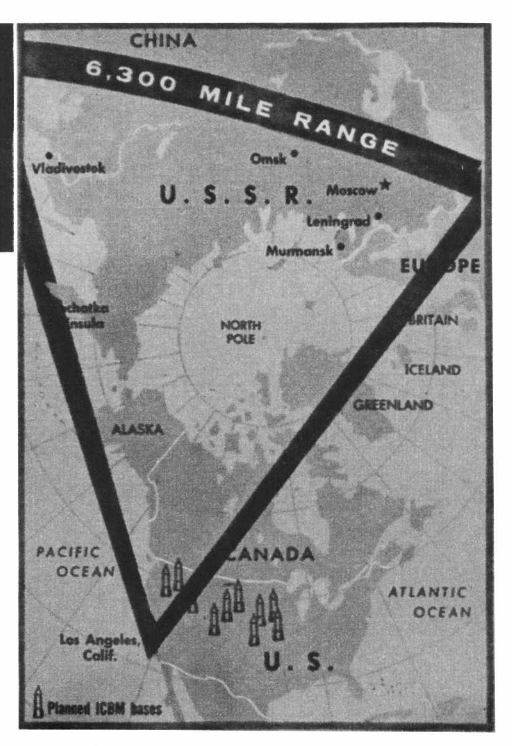
Вот она, богатая руда КМА!

Митинг в котловане.

ПОЧЕМУ ОНИ ПРОТИВ?

Э. КУТНИК

Эта карта была напечатана недавно в журнале «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Журнал, как и в старые времена «холодной войны», снова грозит атомной войной Советскому Союзу, на этот раз с помощью ракет.

Весь мир живет историческим призывом Н. С. Хрущева к всеобщему и полному разоружению. Этот призыв нашел глубокий отклик и в американском народе. Сотни писем простых американцев в редакции американских газет, в Москву, в адрес Н. С. Хрущева, неопровержимо свидетельствуют об этом. Дальновидные и здравомыслящие деятели в США и других странах требуют серьезного и делового обсуждения советского плана мира без оружия и войн.

Но на этом фоне общего ожидания перемен к лучшему не утихают раздраженные, злобные голоса. Это те, для кого разжигание военной истерии уже долгие годы является привычной профессией. Они «против». Они упорно придерживаются тактики, напоминающей ироническую французскую поговорку: «Чем больше перемен, тем больше все остается по-прежнему». Как черви, они подтачивают молодое деревце надежды, взращенное руками посланца советского народа.

Почетное место среди профессиональных отравителей международной атмосферы принадлежит Дэйвиду Лоуренсу, совладельцу и редактору еженедельника «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Этот газетно-журнальный делец уже давно приобрел славу «непримиримого» во всем, что касается улучшения советско-американских отношений. Его «стаж» в этой области восходит к концу сороковых годов, к истокам развязанной реакционными кругами «холодной войны».

Не успел «ТУ-114» с Н. С. Хрущевым покинуть пределы США, где народ оказал главе Советского правительства теплое и искреннее гостеприимство, как на страницах журнала Дэйвида Лоуренса раздались «успокоительные» заклинания. «Не принимайте всерьез тех, кто ожидает конца «холодной войны»! — вещал Дэйвид Лоуренс.— Расходы на вооружения останутся на прежнем уровне! Разоружение — дело отнюдь не близкого будущего!» Журнал Лоуренса пустил в ход для наглядности медицинское сравнение: отношения между Западом и Востоком — это, мол, нечто вроде малярии: сейчас «острый приступ» прошел, но обязательно ждите следующего.

Заклинания эти не просто очередное разлитие желчи Дэйвида Лоуренса. Это яростная защита «своих людей», своего близкого сердцу «бизнеса», под которым начинает колебаться почва. Надо ли говорить, о каком «бизнесе» идет речь? Достаточно вспомнить о совладельце и опекуне журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Это нью-йоркский «Чэйз Манхеттен бэнк», глава которого мистер Макклой одновременно является президентом «Дженерал дайнэмикс» — крупнейшей военно-промышленной корпорации, изготовляющей на своих заводах военные ракеты всевозможных типов и образцов. Правда, во время визита Н. С. Хрущева мистер Макклой с видом наивного простодушия пытался уверить, что «никто из американцев не пытается сохранить международную напряженность ради прибылей». Глава «Дженерал дайнэмикс», должно быть, запамятовал в ту минуту, что его корпорация за годы «холодной войны» увеличила сбыт своей продукции в 44 раза, а прибыли — в 15 раз. Есть во имя чего потрясать мечом и щитом рыцарю «непримиримости» Дэйвиду Лоуренсу!

Полистаем еще раз «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт». Не для того, чтобы останавливаться на пропитанных злобным ядом и антисоветской клеветой передовицах самого Дэйвида Лоуренса или на обширных интервью с высокими чинами Пентагона, рассчитанных на поддержание атмосферы военной истерии. Приглядимся к страницам, отведенным рекламе.

Да, на этих страницах толпятся всяческие фирмы. Но главный круг рекламодателей здесь все-таки особый. Реклама военно-промышленных корпораций — вот «специальность» и душа детища Дэйвида Лоуренса.

Рекламы эти — прямая противоположность кипучей натуре редактора журнала. В них нет и назойливой трескучести, присущей обычной торговой рекламе. Здесь все носит как бы эпический характер: это спокойное повествование о праведных трудах той или другой военной фирмы, о нововведениях, с помощью которых можно экономно и по всем правилам новейшей науки уничтожить сотни тысяч человеческих жизней.

Аккуратно и скромно оформленная страница, отведенная авиационной фирме «Райян». Компания сообщает о своем «неоценимом опыте» в конструировании и оснащении атомных ракет. Да, это именно она, фирма «Райян», уже пять лет строит двигатели для «Корпоралов». И пусть заказчик не упускает из виду: «Только мастерство и опыт фирмы «Райян» могли создать мотор, который в состоянии направить ракету точно на цель». Помните: «Давно известно, что «Райян» это делает лучше всех!»

Пальму первенства не хочет уступать фирма «Бендикс»; зная цену поэтическим образам, фирма возвещает, что «ее взор устремлен в будущее». Но пока что «Бендикс» не теряет времени и трудится на ниве «обширной программы, которая должна обеспечить Америке превосходство в производстве оружия».

Не отстает от своих коллег фирма «Сперри». И она имеет что сказать. Ведь это благодаря ее стараниям атомные подводные лодки могут «точно попадать в неприятельскую цель».

Рекламированные здесь «товары» имеют, как известно, вполне обеспеченный сбыт и производятся на основе твердых контрактов. Поэтому дело не в борьбе за покупателя. Орган крупных монополий печется о том, чтобы постоянно поддерживать среди американцев атмосферу военного психоза. На этом поприще журнал трудится самозабвенно, как клоп, не догадывающийся о собственном запахе.

Взрослые дяди из «Юнайтед Стейтс ньюс» без тени смущения доказывают — совсем в духе мистера Макклоя,— что фабриканты оружия движимы почти исключительно высокими общественными интересами и работают чуть ли не в убыток. Одну из собственных статей Дэйвид Лоуренс озаглавил так: «Не убивайте гусыню». В ней он упрекает правительство и... рабочих, что они так и норовят урвать у безответных предпринимателей кусок побольше, не считаясь с тем, что таким образом «режут гусыню, несущую золотые яйца». Хотя налоги на доходы корпораций застыли на уровне 1952 года, Лоуренс настаивает на «умеренности» в обложении капитала налогами, а заодно и «разумного воздержания» в расходах на социальные нужды. Он с пеной у рта требует, чтобы «вознаграждались по заслугам риск, инициатива, предпринимательский труд». Не допускать ничего, что хоть в малейшей степени может подорвать высокую конъюнктуру и сказочные прибыли военного бизнеса,— такова заповедь, которой служит печатный орган Дэйвида Лоуренса.

В своей речи на приеме советских журналистов Никита Сергеевич Хрущев, упомянув о мощи оружия, которым располагает советский народ для защиты своей Родины, сказал: «Имея такое оружие, мы заявляем, что готовы все это утопить в море в интересах обеспечения мира на земле, в интересах будущего, чтобы все люди и нашего, и будущих поколений могли жить спокойно, чтобы они знали, что мы не только не хотим войны, но и не хотим иметь средств для ведения войны. Мы готовы уничтожить все это оружие немедленно, если последуют нашему примеру другие страны».

Это заявление, глубоко человечное, преисполненное горячей заботы о мире и счастье для всех народов, будет отмечено в истории как высшее выражение миролюбия и гуманизма советских людей. И только у людей типа Лоуренса оно вызовет новый пароксизм злобы и страха.

Сообщение о том, что встреча в верхах наконец состоится, вызвало у всех миролюбивых людей чувство удовлетворения, а у редактора еженедельника крик отчаяния. В одном из последних номеров журнал опубликовал статью под характерным заголовком «Выбор, стоящий перед Соединенными Штатами: воевать или капитулировать...». «Юнайтед Стейтс ньюс» вновь заклинает США не приходить к соглашению с Советским Союзом, ни в коем случае не задерживать темпы вооружения, а, наоборот, всячески их форсировать. Ведь люди вроде редактора «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт» и те, кому он служит, одержимы особого рода глухотой — они не слышат, как отсчитывают время часы истории. Человечество все громче требует перековать мечи на орала. К этой мысли хоть и медленно, но начинают привыкать и высокопоставленные лидеры Запада. Разумеется, «Манхеттен бэнк» и иные прочие требуют совсем противоположного. Дэйвид Лоуренс — опытный биржевой делец, он достоверно знает, что «орала» не принесут его покровителям тех невиданных за все существование капитализма доходов, которые приносят «товары», рекламируемые на страницах его журнала. И Дэйвид Лоуренс в упрямом ослеплении продолжает сеять семена ненависти, подозрений, военного психоза.

Но в мире дуют новые ветры. Они сметут лоуренсов и их хозяев, ибо такова непреклонная воля миролюбивого человечества.

ДЕСЯТКИ ТЫСЯЧ РЕБЯТ ПОБЫВАЛИ НА ЕЛКЕ В ЛУЖНИКАХ в дни каникул. Детям были показаны цирковые и эстрадные представления. Малыши встретились с героями сказок, получили новогодние подарки.

На снимке: елка во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина.

Фото Е. Умнова.

Международные заметки

История не должна повториться

Во время очередных упражнений в перестановке флажков на карте Европы в боннском военном ведомстве пришли к выводу, что Западной Германии необходимо иметь свои войска... в Дании.

— Помилуйте! — рассуждали недобитые гитлеровские генералы и адмиралы.— Могут ли быть более выгодные позиции на Балтийском море! Ну, а если датчанам придется отвечать за нас при ответном ударе, то тем лучше: нам меньше достанется...

Боннские верхи одобрили идею, забыв, впрочем, спросить мнения самих датчан. И вот в поисках аргументов, которые смогли бы убедить скандинавов в том, что нахождение бундесвера на их территории будет для них благом, ниспосланным богом, они обратились к архивным материалам. Расторопные чиновники, начавшие свою карьеру еще при Гитлере и успешно продолжающие ее при Аденауэре, быстро разыскали документ, датированный 9 апреля 1940 года. Это был меморандум гитлеровского правительства, сообщающий о решении... оккупировать Данию. «Германские войска,— гласил документ,— вступают на территорию Дании без враждебных намерений... Военные действия Германии имеют своей целью исключительно защиту Скандинавии от намечаемой англо-французскими войсками оккупации датских опорных пунктов. Имперское правительство уверено, что оно, предпринимая акцию такого рода, действует одновременно и в интересах Дании».

«Это как раз то, что нам нужно,— решили в ведомстве Штрауса, — надо только «англо-французские войска» заменить «советскими войсками», вместо грубого слова «оккупация» поставить более деликатное «размещение» и добавить несколько фраз «о сотрудничестве в рамках НАТО». А остальное все подойдет!»

Но датчане оказались не слишком-то сговорчивыми. Вначале им предложили попросту пустить западногерманские войска в Ютландию. Они отказались. Тогда был разработан план «передачи обороны Дании в центральную зону НАТО», где верховодит пресловутый генерал Шпейдель. Датчане снова сказали «нет», за что западногерманские газеты, оскорбленные в своих лучших чувствах, назвали их поведение «предательским».

Но боннские генералы и политики не унимаются. Они решили навязать Дании свои военные базы, скромно именуемые «военными складами». Но и на этот раз получился афронт. Не налаживались и переговоры о создании так называемого датско-западногерманского общего командования. Датчанам заранее ясно, кто будет играть первую скрипку в условиях такого «сотрудничества».

Руководство НАТО, довольно долго «снисходительно» смотревшее на поведение датчан, судя по всему, решило их приструнить. Американский адмирал Бэрк прибыл в Бонн, где совместно с представителями министерства обороны ФРГ (но без участия датчан) вел переговоры о создании объединенного командования в районе Балтийского моря.

Ободренные руководители бундесвера, памятуя гитлеровский меморандум, решили, что мнение датчан в конце концов и не так уж важно. И во время штабных учений НАТО в декабре минувшего года западногерманские войска попросту перешли датскую границу и оказались на территории «равноправного союзника». Когда в датском фолькетинге был внесен по этому поводу запрос, выяснилось, что датских военачальников даже и не потрудились ни о чем предупредить. Датский министр обороны Поуль Хансен попытался сделать хорошую мину при плохой игре и изобразить, что ничего особенного, в сущности, и не произошло, все это — «естественное сотрудничество в рамках НАТО». Министр добавил и еще один «аргумент»: «В целом датчане покончили со своим недоброжелательным чувством по отношению к Западной Германии».

Однако датский народ решительно выступает против превращения южной границы Дании в «ничего не значащую черточку на карте», как об этом с горькой иронией сказал датский генерал Тюгесен. Состоявшаяся в Орхусе рабочая конференция приняла обращение к датскому правительству, фолькетингу, всем рабочим страны, призывающее «отклонить всякие планы датско-западногерманского общего командования и всякие другие мероприятия, которые опасным образом приковывают Данию к жаждущим реванша милитаристам».

Делегация участников движения сопротивления и узников нацистских лагерей в своем обращении к фракциям фолькетинга заявила, что переход западногерманскими войсками датской границы является «издевательством по отношению к участникам движения сопротивления и жертвам этого движения».

«Пять проклятых лет» не должны повториться — таково единодушное мнение датского народа.

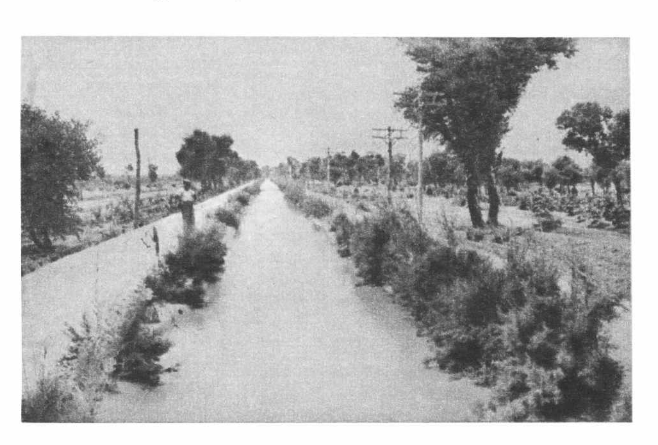
А. ПОГОДИН

Херлуф Бидструп сопроводил свой рисунок словами: «Западногерманское вооружение растет, переходя все границы. Милитаристы снова одерживают верх. Они хотят бесцеремонно расположиться в Ютландии».

11 ЯНВАРЯ 1946 ГОДА УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ ПРОВОЗГЛАСИЛО АЛБАНИЮ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ. Четырнадцать лет эта албанская молодежь живет счастливо в свободной стране.

ОСВОЕНИЕ ЦЕЛИННЫХ ЗЕМЕЛЬ В КИТАЕ, на северном берегу реки Тарим, началось в конце 1957 года. Теперь здесь уже заложены богатые сельскохозяйственные плантации.

На этом снимке вы видите сельскохозяйственную плантацию на берегу реки Тарим.

Фото И. Иелилева, сотрудника газеты «Молодежь Синьцзяна».

ЧЕМПИОНОМ МИРА ПО ШАХМАТАМ среди женщин осталась Елизавета Быкова, выиграв матч с К. Зворыкиной со счетом $8^1/_2 : 4^1/_2$.

Интервью «Огонька»

СОВЕТСКИЕ ПОЛЯРНИКИ НА ЮЖНОМ ПОЛЮСЕ

Б. А. САВЕЛЬЕВ,
профессор Московского университета

Обращаясь к участникам антарктических экспедиций Австралии, Англии, Аргентины, Бельгии, Новой Зеландии, Норвегии, СССР, США, Франции, Чили, Южно-Африканского Союза и Японии с новогодним поздравлением, Никита Сергеевич Хрущев сказал:

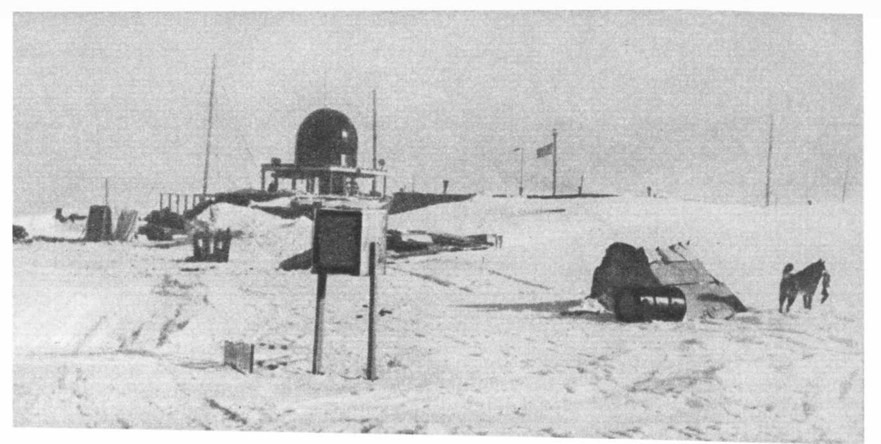
«Ваш героический, благородный труд во имя науки в суровых условиях Антарктики вызывает искреннее восхищение всего человечества.

Мы уверены, что ваши дружные совместные усилия, направленные на раскрытие тайн Антарктики, позволят успешнее использовать силы природы на благо людей».

Трудности не пугают ученых, стремящихся расширить знания человека о далеком шестом материке. Получены новые научные данные о его природе, выяснена климатическая роль Антарктиды. Сейсмическими измерениями определена мощность ледникового щита континента, достигающая в среднем двух, а местами четырех километров. Получены ценные сведения о подледном рельефе суши, чрезвычайно сложном, изрезанном. Участниками советских экспедиций, работающих на Полярном юге пятый год, составлены первые достоверные карты более трети всего побережья ледяного континента, в Восточной Антарктиде проводятся обширные геологические исследования.

Шестнадцать наших полярников — участники беспримерного санно-тракторного похода — на днях достигли Южного географического полюса и теперь возвращаются в Мирный.

Руководитель научной группы в санно-тракторном походе доктор геолого-минералогических наук Борис Александрович Савельев в беседе по радио с корреспондентом «Огонька» сообщил:

Американская станция Амундсен-Скотт на Южном полюсе.
Фото В. Расторгуева.

Участники санно-тракторного похода от Мирного к Южному полюсу (слева направо): А. Г. Дралкин, Б. А. Савельев, А. П. Капица, М. С. Кулешов, А. С. Бородачев, А. А. Максимов, В. В. Гаврилов.
Фото кинооператора Н. Шмакова, Ал. Лесса, Ю. Моделя и А. Воронова.

Три месяца двигались по ледяной пустыне наши гусеничные машины. Около 2 700 километров было пройдено от обсерватории Мирный на побережье Индийского океана до американской станции Амундсен-Скотт на Южном полюсе. Поднимаясь по ледниковому куполу, мы миновали район глубоких трещин, прикрытых снежными мостами, готовыми в любую минуту обрушиться под тяжестью машин, преодолели зубчатые двухметровые заструги.

О трудностях похода свидетельствуют цифры. 870 километров от Мирного до Комсомольской поезд прошел за 21 сутки. А 540 километров между Комсомольской и станцией Восток пройдено уже за 23 дня. Тягачи зарывались по самый кузов в сыпучий и рыхлый снег, часто застревали. Приходилось буксировать каждые саниприцепы поодиночке, по очереди вытаскивать тягачи. Бо́льшая часть маршрута—на высоте свыше 3 тысяч метров над уровнем моря.

Поход в глубь Антарктиды возглавлял начальник 4-й Континентальной экспедиции известный полярник А. Г. Дралкин. В научной группе работали гляциологи А. П. Капица и С. Б. Ухов, физик А. В. Краснушкин, астроном-геодезист, штурман поезда Л. И. Хрущев, магнитолог Д. А. Низяев, инженер Н. И. Казарин, начальник транспортного отряда экспедиции В. Ф. Чистяков. Водители тягачей — М. С. Кулешов, А. С. Бородачев, В. М. Цветков, Н. Д. Серокуров и Ю. К. Самсонов. Радист — А. А. Максимов, врач — В. В. Гаврилов. Многие из них уже по второму разу зимуют в Антарктиде.

Поезд состоял из снегоходных машин «Харьковчанка» с метровыми гусеницами. Двигатели мощностью свыше 500 сил каждый оборудованы наддувом для работы на больших высотах. На снегоходах— радионавигационные приборы, средства радиосвязи, помещения для научных работ и отдыха полярников.

Восьмого декабря, пройдя станцию Восток, мы вступили в область, где никогда прежде не бывали люди. Начиная от Комсомольской каждые сто — двести километров делали длительные остановки для научных исследований.

Преодолев последний участок пути в 1 280 километров, мы 26 декабря достигли Южного полюса. Для этих суровых мест было сравнительно тепло — всего 26,7 градуса мороза. Стояла солнечная, безветренная погода.

Спустившись по пологому склону в 10 часов 26 минут по московскому времени, увидели прямо по курсу американскую станцию Амундсен-Скотт. На нашем головном снегоходе были подняты советский и американский флаги.

Наши коллеги живут здесь по новозеландскому времени; на станции был поздний вечер, и нас не ждали. Все помещения занесены снаружи снегом. Спустившись в подснежные коридоры, мы вошли в кают-компанию, где в это время сотрудники станции смотрели кинофильм. Неожиданная встреча была очень сердечной, дружеской. Руководитель научных работ доктор Флауерс, начальник вспомогательного персонала доктор Дюбей, все наши американские коллеги оказались радушными, гостеприимными хозяевами. Они ознакомили нас со своими исследованиями, показали лаборатории, павильоны и жилые помещения, всячески помогли нам в наблюдениях, которые мы провели в конечном пункте своего маршрута.

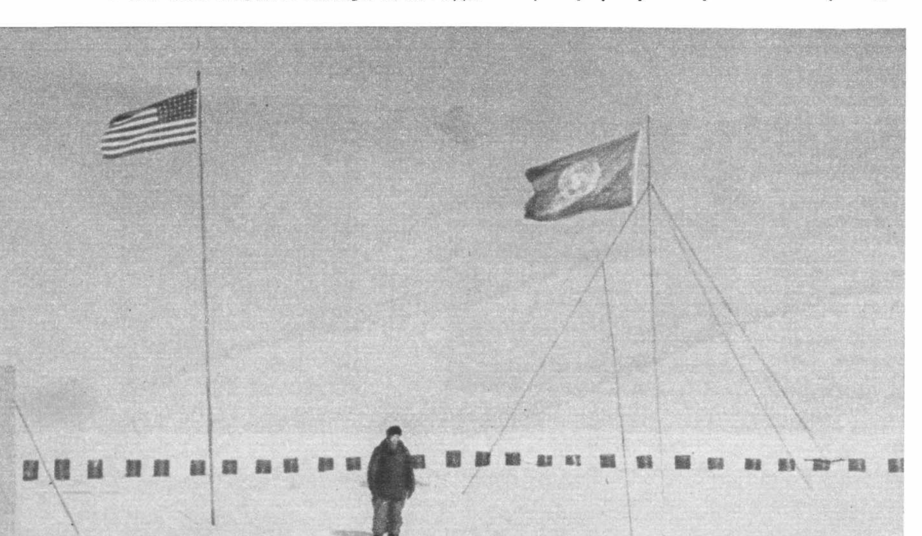
Днем 28 декабря хозяева и гости отправились на «Харьковчанках» к точке Южного географического полюса, которую впервые достигли в 1911—1912 годах норвежец Руал Амундсен и англичанин Роберт Скотт. Названная их именами американская станция, созданная с помощью авиации в конце 1956 года, расположена в 2 765 метрах над уровнем моря.

В точке полюса две высокие мачты, окруженные барьером из пустых бензиновых бочек. На мачтах флаги Организации Объединенных Наций и США. Неподалеку деревянная будка, внутри которой металлический цилиндр с письмами и газетами,— их должны прочесть в 2000 году. Наше внимание привлек столб со стрелками, показывающими направления и на различные пункты земного шара и расстояния до них.

Участники нашей экспедиции и сотрудники станции Амундсен-Скотт выстроились перед мачтами. А. Г. Дралкин торжественно поднял Государственный флаг СССР, а доктор Дюбей в знак приветствия приспустил флаг США. Раздался троекратный салют из ракетниц. Затем вместе с американскими коллегами мы за 15 минут совершили «кругосветное путешествие», пересекли все земные меридианы, сходящиеся на Южном полюсе. В связи с этим всем нам были выданы специальные дипломы.

...И вот последние рукопожатия, объятия, пожелания доброго пути и скорейшего возвращения на родину, приветы семьям, близким, друзьям. Советские и американские полярники тепло распрощались на Южном полюсе, и наш поезд покинул станцию Амундсен-Скотт, взяв курс на север, к Мирному.

Флаги США и ООН в географической точке полюса. Между мачтами — советский синоптик В. И. Расторгуев, летавший на станцию Амундсен-Скотт из американской базы Мак-Мёрдо в январе 1958 года.

Всю свою жизнь Константин Павлович Горшенин посвятил исследованиям и изучению почв Сибири. Итогом сороколетней деятельности ученого явилась монография «Почвы южной части Сибири», удостоенная Ленинской премии. Константин Павлович не только ученый, он опытный педагог, тридцать восьмой год возглавляющий кафедру почвоведения в Омском сельскохозяйственном институте имени Кирова. На снимке: К. П. Горшенин консультирует группу студентов.

Фото Д. Ухтомского.

Таллинское техническое училище № 1 готовит судоводителей, радиооператоров и судовых механиков. Немало штурманов, плавающих в водах Балтики и Атлантики, воспитал опытный моряк, ныне мастер производственного обучения Таллинского технического училища Стива Герасимов. Много времени проводит Герасимов в море вместе с воспитанниками Таллинского технического училища.

Фото А. Узляна.

Перламутровая раковина

Повесть

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки И. ГРИНШТЕЙНА.

3

Однажды поздним вечером Рита лежала в постели и просматривала американский рекламно-географический журнал, купленный случайно в холле гостиницы «Москва» перед отъездом сюда, на Командоры. Купила она его и теперь листала почти ежедневно, рассматривала фотографии модных отелей, туристических баз, природных диковин земного шара, восторгалась, как все это здорово и как все это прелестно. Восторгаться стоило: диковин на земном шаре оказалось в преизбытке, а, кроме того, засняты они были с тем блеском, который в равной мере отдаляет фотографию от фотографии и ни на йоту не приближает к искусству. Краски кричали. Они были ярки и растленны.

В таком случае какие-нибудь Галапагосские острова, представленные в журнале рядом снимков, вполне сходят за райские кущи: лак делает свое дело. Лак подействовал и на впечатлительную душу Риты.

Она сказала, бережно кладя журнал на краешек стула так, чтобы он не коснулся пепельницы:

— Есть же в самом-то деле на свете Галапагосские острова!

Петр еще не ложился спать. Он сидел у стола в нижней рубашке и читал ведомственный бюллетень. В конечном счете он ничего не имел против Галапагосских островов. Он только покосился на Риту.

— Когда-то я ходила в школу, интересовалась астрономией, размышляла, есть ли жизнь на Венере, на Марсе... Но вот, взрослой дуре, мне не пришло в голову полюбопытствовать толком, а есть ли жизнь на этих самых Командорских островах!

Петр сдержанно покашлял.

— Гм... Думаешь, все-таки нет жизни в этих широтах?

Рита досадливо поморщилась, и родинки у нее на щеке сместились, некрасиво нарушив симметрию созвездия.

— Ах, ты всегда судишь упрощенно! Есть жизнь и жизнь. Есть жизнь и есть подобие жизни, прозябание, скука...

Он промолчал. Да и что говорить, когда любой ответ покажется человеку примитивным, если у него такие сложно-разветвленные суждения о жизни! Но ему стало горько. Неумно упрекать суровые и далекие острова, что на них нет того и этого, а вдобавок не произрастают ананасы. Надо ценить каждое место под солнцем по тому хорошему и своеобразному, что оно дает или может дать, если приложить руки.

Петра всегда удивляли люди, всерьез уверенные, что где-то на Галапагосских островах если не лучше, то интереснее, чем, скажем, на Командорских. Все зависит от позиции, от привязанности. Может быть, на Галапагосах думают наоборот. Во всех этих суждениях и рассуждениях силен элемент относительности.

Но он понимал, что если бы люди были проще устроены и не завидовали тому, в каких краях обетованных обосновались их соседи, если бы они и сами не стремились поискать такие края, человечество не знало бы прелести путешествий. Не было бы Америки: ее бы не открыли. Не было бы золота: его бы не нашли. Вечная неуспокоенность, вечное недовольство своими познаниями мира — вот двигатель, который толкает человека в космос и надувает его паруса в океанах.

Все это так. Но все это общие рассуждения, которые не дают Петру ключа, с помощью которого он уловил бы и понял стремления жены, ее настроенность.

Продолжение. См. «Огонек» № 1 за 1960 год.

— Я думаю, что ты и на материке найдешь работу,— продолжала между тем Рита, теребя край простынки тонкими нервными пальцами.— Может быть, следует в этом направлении что-то предпринять. Не сошелся же здесь свет клином...

— Не сошелся... Но ты забываешь, что у меня договор. Да мне и вольнее здесь, кстати, чем на материке. Простора больше. Инициативы...

— Тогда по крайней мере у меня должна быть надежда, что ты не останешься здесь после окончания срока договора.

— Не знаю. Не могу обещать.— Он добавил ожесточенно: —Уж если тебе так невмоготу, можешь уехать.

Рита зябко натянула до подбородка простынку. Щека у нее дернулась.

— Миром движут идеи. Что ж, пожалуй... Ведь я теперь не уверена, любишь ли ты меня хоть каплю.— Она показала ему из-под простынки кончик мизинца. — Ну, вот хоть столечко... И, прости, не понимаю: зачем в таком случае заводить жену? Лишние хлопоты. Проще жить с этой твоей инициативой. Ее даже кормить не надо.

Петр пропустил мимо ушей последние, явно провокационные слова. «Любишь ли ты меня хоть каплю»... Он любил Риту. Но распространяться на эту тему считал излишним и смешным для мужчины. И если уж говорить начистоту, он не был уверен, любила ли Рита его. Скорее всего ей приглянулся и ее увлек беспечный образ жизни, который он вел в пыльном черноморском городке, куда приезжал отдохнуть после нескольких лет работы в зверосовхозах Дальнего Востока. Приезжал, кстати, с немалыми деньгами, и так как был человеком холостым и ни у кого не в долгу, то тратил их в свое удовольствие.

В местной библиотеке он познакомился с Ритой.

Позже, после нескольких прогулок, узнал, что есть у нее муж и что прогуливаться с ней по набережной, в общем, небезопасно, хотя мужу она дала отставку и не живет с ним давно.

Они ходили купаться в маленький заливчик, вода в котором была теплая, как парное молоко, и густая от скопища медуз, как кисель. После купания ели мороженое в кафе «Поплавок», нависшем в опасной близости к воде.

А потом они забрели к Рите домой. Сладких вин она не пила, водки тем более, и Петр прихватил бутылку армянского коньяку, безобразно оттопырившую карман его брюк.

В коридоре Петра с подозрением и неприязнью оглядела важная, с грубыми чертами лица дама, расширявшаяся книзу, как матрешка, которой накрывают чайник.

— Это чья такая Васса Железнова? — уже в комнатушке Риты рассеянно спросил он, с треском вышибая пробку из бутылки.

— Ну, ну, осторожнее, — усмехнулась Рита, — это моя мать.

Петр растерялся, глаза стали испуганно круглыми, и даже конопатины на переносице обесцветились.

— Сроду бы не подумал. Ты уж извини, пожалуйста.— Он брякнул вдобавок: — Видно, крутовата и себе на уме.

Рита коротко хохотнула.

— Да, мать — особа властная и со старорежимными претензиями. Нынешнюю молодежь она не уважает... Ну что ж, у нее своя жизнь, а у меня своя. — Она подвинула рюмку. — А правду говорят, что это... ну, этот коньяк... что он клопами пахнет?

Петра насмешила ее непосредственность. Но он вступился за напиток, который считал чудесным и к тому же не лишенным лечебных свойств.

— Это тебе сказал кто-то, кому лучше пить денатурат, смешанный с дегтем.

Уже после выпитой рюмки Петр осмотрелся внимательней. Комната Риты поразила его обилием книг, украшавших стены калейдоскопом корешков. Висела репродукция с какого-то француза. В простенке незыблемо утвердилась широкая оттоманка, застеленная ковриком, с горкой бархатных подушечек.

Петру никуда не хотелось уходить из этого калейдоскопического мирка, где пахло тонкими духами.

Талия Риты была податливо гибкой, бронзовая молния застежки щекотала руку. Наверное, никуда и не надо было уходить, и это воспринималось как неожиданное и незаслуженное счастье.

Конечно, они забрели однажды и в ресторан. Выбрали столик, многократно отраженный бестактными зеркалами, которые не то напоминали посетителю, какой он важный и симпатичный, не то подчеркивали его никчемность и тщету времяпрепровождения в подобном месте.

— Того, что пили у меня, помнишь? — попросила Рита.— Коньяк, что ли... Он крепкий, но не горький... И горячит.

Выпив, она поежилась и долго ковыряла вилкой рыбу. Взяла дольку лимона, обмакнула в сахарную пудру.

— Ты не думай, мужа я никогда не любила,— сказала она вдруг, подняв на Петра очень правдивые, очень робкие глаза.— Он, понимаешь... он бесхребетный. Не выношу таких. Впрочем, буду до конца откровенной. В институте у меня было увлечение, первая любовь, что ли... Глупо! Он был старше меня лет на двадцать. Он преподавал литературу. Ну и, как бы тебе сказать... позже, конечно, я разглядела, что он трусоват, и размазня, и тряпка. И хвастун и позер... Но он... он от корки до корки знал Блока!

Рита беспомощно и виновато улыбнулась. Она любила стихи Блока самозабвенно. Петру же понятнее и роднее был Маяковский — окрыляли его прямота, бас главаря, приводили в немое изумление убийственно едкие остроты.

Что ж, пусть так.

Пусть преподаватель. И пусть даже муж. А Петру пришлось-таки его увидеть. Случилось это вскоре после того, как они вышли из ресторана.

Рита равнодушно произнесла:

— Вон мой муж.— Она показала пальцем на противоположный тротуар.

Петр мельком взглянул туда. Дебелый блондин в черном пальто, с кожаной папкой в руке стоял и смотрел на Риту укоряющими глазами. Она кивнула ему и отвернулась.

И только у самого входа в городскую библиотеку вдруг стала как вкопанная: муж шел следом. Видимо, он что-то хотел ей сказать.

Рита брезгливо передернула плечами.

— Ты иди,— сказала она Петру.— Я сейчас...

— Да нет, я постою.

— Уходи, право же... Я ценю твои рыцарские побуждения, но лучше уйди.

Петр прикрыл за собой дверь: ему-то в самом деле не о чем было разговаривать с этим человеком. Тем более, раз он такой бесхребетный... Его дело сторона. Пусть уж Рита сама разбирается.

Рита догнала его на втором марше лестницы.

— Какая низость! Он все время шел за нами...

Петр молчал. Она засмеялась.

— Я усиленно дышала на него коньяком!

— Что ж он? Учуял? — глухо спросил Петр.

Рита бездумно щелкнула пальцами.

— Он высокий...

— Все-таки чего ему надо было?

— А ты спроси. Почему, мол, ходишь с посторонними мужчинами. Ты все-таки еще законная моя жена, и все это знают... А я говорю, что, во-первых, мужчина не посторонний, а во-вторых... а во-вторых...

Уже на улице она растерянно попыталась договорить:

— ...а во-вторых, Петя...

— А во-вторых, мы уедем отсюда,— резко сказал Петр.

С тех пор прошло около года.

Отодвинув бюллетень, Петр пристально и раздумчиво смотрел на уснувшую жену. У нее был острый подбородок. Капризно вздутые губки. Низкий лоб...

Петр смотрел на жену, не отрываясь. Это доставляло ему удовольствие. Жена была красива той странной красотой, когда не знаешь, из чего она складывается: низкий лоб, остренький подбородок, продолговато-выпуклые щеки, а все вместе чем-то вызывающе согрето. И он любил ее. Он любил ее той странной любовью, когда не знаешь, за что любишь человека. Любовью с первого взгляда...

Петр встал и прикрыл голое плечо жены. Он думал о ней тепло. Рита была беззащитной. Днем она как бы отгораживалась от окружающего (в том числе и от Петра) стеной сложных претензий, надуманных обид, нелепых поступков. Но сейчас...

Петр прошел на кухню и поискал в темноте спички... Закурил, затягиваясь глубоко и сильно.

В углу серел мраморный умывальник. Расплывчато зарозовел кусочек мыла, проступили очертания жестянки с зубным порошком...

Вскользь и бессвязно подумалось, что хорошо, когда и на Командорских островах есть зубной порошок, есть китайские яблоки в магазине, и картошку изредка привозят, и даже редиску летом народ выращивает. Пустяки будто. Но во все времена снабжение островов было делом хлопотливым и рискованным. Ощетинились они базальтовыми рифами, острыми, как пики, крутит над ними треклятая роза ветров... Попробуй, сунься!

В сумеречном проеме окна все явственней и свежее проступала гавань. Зримей обозначились контуры лесовоза с ободранной на борту краской. Кто-то сдуру ударил на берегу в колокол санкт-петербургского литья, с роскошной вязью по низу. Колокол когда-то принадлежал церквушке, приспособленной ненабожным населением под клуб, и ныне служил мирским интересам.

От пирса прошла женщина, волоча по зернистому песку клешнястого оранжевого краба...

Село просыпалось, начинало жить своей неприхотливой жизнью.

Петр повернулся к печке и швырнул в открытую дверцу окурок. В глаза ему бросился истерзанный томик Дос Пассоса — злополучная «42-я параллель».

Рита ставила на книжку сковородку, а листки вырывала для растопки.

«Если уж знаменитый Дос Пассос пошел на распыл,— удрученно подумал Петр,— плохо твое дело, директор. А уж ее дело и вовсе дрянь!»

4

Был еще один такой же сумеречный рассвет, очень ранний был час, когда Петр проснулся, не ощутив спиной привычного Ритиного тепла. Свирепо бесновался за стенами ветер, час от часу срывая с низких туч крупные капли дождя, округло-литого и тяжелого, как дробь.

Поспешно набросив телогрейку, разыскав в полутьме коридора сапоги, Петр выбежал на улицу. Он знал: сегодня в пять утра приходит рейсовое грузо-пассажирское судно. А в комнате по всем углам можно было заметить хотя и не беспорядочные, но все-таки вполне определенные следы бегства. Да, Риту пока еще можно было настичь на пирсе. Она решила уехать,— все-таки решила выполнить угрозу, высказанную в том ночном разговоре неопределенно и вскользь.

«Можешь уехать»,— сказал тогда Петр, но в душе не был уверен, что она решится порвать с ним. У нее оказалось больше характера, чем он предполагал. Вздорного характера, но все-таки характера, ничего не скажешь.

На улице было безлюдно. Дождевая дробь отстучала, и теперь сеял унылый туманец, называемый по-местному очень поэтически — б у с, хотя поэтического в бусе не наскреблось бы ни на медную копейку.

Косматые гривы пены с шипением набрасывались на берег, и гулко из-под них вырывалась назад волна. У рифов надсадно громыхал прибой, плюясь почти на дорогу взбаламученной зеленью.

К пирсу не спешили отъезжающие.

Когда Петр малость успокоился, он обрел способность соображать. Понятно, что в такую погоду судно вряд ли отважится зайти в гавань. Гарантий против неприятностей не было никаких. Все это видели. Не

видела этого только Рита, два месяца сиднем просидевшая около зеркала с облупившейся амальгамой.

Петр пошел медленней и вскоре догнал ее, съежившуюся под тяжестью двух чемоданов, вымокшую и жалкую. Взял жену за плечо и грубо повернул к себе. Чемоданы глухо плюхнулись в прибитую дождем пыль.

— Не дури,— сказал он строго.— Тебе не стыдно людей? На нас глядя... ну, на меня, на меня глядя, будут люди смеяться! Ты же помнишь ту женщину... Ну, ту женщину в черном плюшевом пальто?

Рита попыталась высвободиться, и Петр снял руку с плеча.

— Оставь меня в покое! — воскликнула она со слезами в голосе.— Я не хочу, я не могу тут жить, в этих четырех стенах, в этой мышеловке, вокруг которой вода! И если хочешь знать, я понимаю ту черную....

— Тише! С кем ты себя сравниваешь, глупая? — прикрикнул он и неожиданно сдал, обмяк, сказал просительно:— Ну, ради меня, ради... Ну, Рита, ну, уедем вместе, если хочешь. Давай поговорим толком, давай разберемся...

Она живо повернулась к мужу.

— Ты серьезно? Ты согласен уехать? — По щекам ее текли слезы.— Вот сейчас, ну, следующим рейсом?..

Он опустил голову. Он знал, что не уедет. Что это невозможно. Что у него дело, которому надо служить верой и правдой. И что, наконец, нельзя же повиноваться случайному капризу женщины, будь она и любимой. Не известно, что она придумает завтра. Не скажет ли, чтобы муж ехал с ней в Москву, на теплые воды, в вояж на дизель-электроходе вокруг Европы...

Рита все поняла. У нее сникли плечи.

— Ну вот, я же знала...— вымолвила она тускло.— Ты без них не можешь, без своих Командор... А их нет. Они тебе приснились. Ты их выдумываешь, эти острова, на которых и живешь-то без году неделю.

Петр рассердился. Носком сапога сдвинул с дороги чемоданы, будто они мешали ему найти точку опоры.

— Ничего я не выдумываю, милая моя. Мне не до выдумок. Мне работать надо. Видишь, вон сигару у берега бьет? Пятьсот кубометров дорогостоящего леса! Того и гляди разнесет в щепу. А трактор один. И то ли мне его послать на Федоскино с цементом и бревнами для силосной ямы, то ли спасать сигару. Без леса затормозится строительство жилого дома до зимы, а без силоса коровы подохнут. Вот и крути-верти. Думай и о тебе, о твоих, понимаешь ты, истериках, думай о сигаре и о разнесчастных этих коровах. А то заладила: уезжай! Будто так сразу — взял и уехал. На моих плечах, милая, хозяйство, и я к нему, милая, прирос всеми печенками. Так же, как и к тебе, хотя ты это отрицаешь с упорством, достойным лучшего применения.

Он оборвал свою речь круто. Было сказано много слов, и слов достаточно вразумительных.

У острова Топоркова туман как бы чуточку рассеялся и внизу, у самой воды, мглисто зарозовел. Проступил в нем смазанный контур судна и маячил минут пять.

Рита напряглась.

Но вот опять начала сгущаться сырая пелена, и намек на судно, возникший в розовом тумане, растаял, как в сказке.

— Ну вот,— вымолвил угрюмо Петр,— вот и решение нашего спора. Поостерегся он зайти к нам. Пошли домой.

Возвратившись домой, Рита долго стояла у окна, еще не веря в то, что пароход прошел мимо, в Усть-Камчатск, и неотрывно смотрела на тупо бьющие в берег волны.

— Жить невозможно,— тихонько простонала она.

— Да, жить невозможно, — серьезно согласился Петр, нарезая лучину для растопки.

Про себя он подумал, что действительно жить невозможно...без руля и без ветрил. Как она этого не понимала? Хотела ли она чем-то заниматься вообще? В том-то и дело, что хотела. А чем — не знала, а как — не представляла. Она, конечно, более успешно и с большей пользой нашла бы применение своим знаниям в библиотеке. Но не прогонять же из библиотеки ради директорской жены опытного, толкового работника. У Риты хватило такта даже не напоминать мужу об этом: что говорить, она женщина хотя и взбалмошная, но с чутьем...

Было в ней что-то и беспомощное и расчетливое. Была она себе на уме, но в то же время великое смятение и растерянность овладели ее душой. Ну, что ж, она не маленькая, знала, с кем связывает жизнь, и знала, куда едет.

После нескольких попыток Петр разжег в печурке огонь.

— Риток! Вот утихнет шторм, и я схожу на «жучке» к медновцам. Тут часов десять ходу.— Он просительно взглянул на нее.— Поедем со мной, а?.. Ведь, знаешь, как говорят: кто на Медном не побывал, тот не знает Командор.

Рита прикрыла чемодан, из которого вынимала белье. Взглянула на мужа снизу вверх. Сказала с горькой усмешкой:

— О, господи! Вот еще одна командорская планета! Да я же на этом твоем «жучке» укачаюсь в дым. То-то будет радости...

Но она все-таки поехала. Петр был на Медном недолго, до вечера, проверил ход подготовки к забою котика и решил на месте кое-какие медновские дела.

Рита тем временем постояла в магазине, закупая снедь, уже раскупленную на острове Беринга, затем пошла по приливно-отливной полосе — лайде — обозреть местные красоты, о которых много была наслышана. Да, природа здесь поработала более основательно: рифы вознеслись неприступно, базальтовая синева тяжких, как крепостные бастионы, скал дышала стужей.

Из расщелин тявкали на нее песцы.

Рита присела отдохнуть, а когда встала, авоськи поблизости не оказалось: вани (так называли на Медном песцов) утащили. Воришки они были несусветные!

Чуть не плача, Рита погналась за ваней, но не тут-то было: обремененный ношей, он натужно взобрался на утес, а уже оттуда поглядывал с нахальным любопытством: что, мол, взяла?..

— Кино смотрела? Со щенками? — вытаращил глаза Петр.— Но почему же раньше домой не отнесла?

— Так я в кино прямо с работы, некогда было,— дивясь бестолковости директора, вразумительно объясняла Вера.— А что?

— Ничего. Непривычно как-то. Тебе-то хоть удобно?

— Ну, какое удобство? Лишь бы им было удобно. А им удобно, я знаю. Вон как они притаились, не шелохнутся.

Вера ступала, аккуратно соразмеряя свои шаги с шагами Петра.

— Петр Васильевич, сегодня ребята и девчата с метеостанции вечеринку затевают,— сказала вдруг она.— Придете, а?.. Я вас приглашаю, мне дано такое право.

— Это по какому случаю вечеринка?

— Юбилей у них какой-то. Или просто по случаю субботы. Вы приходите, а?.. Приходите с женой. Мы все будем рады.

Петр поразмыслил, чем у него может быть занят вечер, и пообещал, что придет. Правда, он не был уверен, что Рита согласится идти на вечеринку. Она, может, и пошла бы, но опять случился тягостный разговор — во всяком случае, тягостный для Петра.

Рита сидела у окна и читала книгу, бог знает, что она там читала, уж, конечно, не бюллетени, лежавшие стопкой на краю стола.

— Ты бы сходила куда-нибудь, проветрилась,— сказал Петр.— Это что же, как пришла, так и сидишь все время?..

— Я через край проветрилась на «жучке». А сидеть — почему, я не сижу... Я уже обед сварила. Суп там, тефтели в кастрюльке. Ты поешь, да я посуду заодно вымою.

Петр уплетал тефтели и, кося глазами, следил за нахмуренным Ритиным лицом. Должно быть, ее захватили и увлекли печали книжных героев.

— Ты бываешь у Быстрецовых?

— Нет, а что?

— Я крупно поговорил с ним. Но я думал, что на твои отношения с Инной Андреевной это не повлияло.

Рита закрыла книгу и долго смотрела на выводок цыплят, разгребавших под окном мусор. На губах ее блуждала непонятная улыбка.

— Не знаю, почему у тебя с Быстрецовым скандал,— сказала она скучновато.— Он культурный мужчина. С ним приятно провести время... И если я к ним не хожу, то скорее всего из-за Инны Андреевны. Вот уж недалекая женщина! Ну, посуди сам: приходит однажды из кино, «Колдунью» она смотрела. Я спрашиваю, действительно ли фильм по мотивам Куприна сделан. А она говорит: «Да, музыка там хорошая».

Петр молчал, угрюмо раздавливая ложкой мягкие рисовые зерна. Все так же глядя в окно, на шустрый выводок, Рита спросила:

— Как это называются в биологии случаи сожительства разных особей? Такое звучное слово...

— Симбиоз.

— Вот-вот. Таким симбиозом представляется мне жизнь Быстрецовых. Стоят они на противоположных полюсах, ничем духовно не связаны. Конечно, он с ней жить не будет. Он ее бросит. Это что-то у него временное, пока он здесь...

В груди Петра волной поднялась тоска, плотная, как туман, что низко стлался за окном.

— Ну, а хотя бы к Нонне Табаковой ты заглядываешь?

— Зачем? Слава богу, она сама нас не забывает.

Петр проговорил, пытаясь сдержать раздражение:

— Надо быть терпимей к людям. Чем мы их лучше? Мы тоже люди. Люди среди людей. Цивилизация, скажешь ты, культура, эрудиция там, развитие. Но эта самая цивилизация — штука о двух концах. Смотришь, на ком-то она отпечаталась только внешне, а внутрь не проникла.

Когда он злился, то говорил убедительно. Ему трудно было возразить, Рита уже заметила это.

— То есть ты хочешь сказать...

— Ты угадала: что я хотел сказать, то сказал. Да, кстати, могу еще добавить, что нас приглашали на вечеринку.

Рита взобралась на кровать и уткнула подбородок в сомкнутые колени.

— Я не пойду.

Петр постоял, подумал.

— Значит, не пойдешь на вечеринку?

— Нет.

— А я пойду.

Чуть повернув голову, глядя куда-то вбок, Рита осведомилась:

— Это что, демонстрация терпимости к людям? Или к спирту?

Уже на пороге, комкая в руках фуражку, Петр, вконец обозленный, отрезал:

— Это — нежелание быть ханжой. И если уж после такой приятной беседы мне полагается лишняя рюмка, то лучше я ее выпью на людях, чем в закутке, чокаясь с бутылкой.

— Какая наглость! — пожаловалась она вечером мужу. — Ты только подумай...

— Ну, что тебе авоська? — попытался успокоить ее Петр.— Вот тут один чудак грелся на солнышке и зубной протез изо рта вынул, а песцы украли — это действительно потеря! А то авоська!

— Ты все шутишь. А в ней колбаса и консервированные огурцы.

Петр почесал затылок.

— Огурцы они, пожалуй, утащили напрасно. Не попользуются же, ворюги! И вообще ты зря с ними связалась. Ты бы к людям лучше пошла, в школу, на заставу... Познакомилась бы, поговорила... Тут и москвичи есть и твои земляки-южане...

Рита оттопырила губу и подняла брови. Это означало, что можно было познакомиться, конечно, а и не познакомились — не беда...

К обеду следующего дня они возвратились на остров Беринга.

Рита от пирса прямиком пошла домой, поездка только утомила ее, не больше. А Петр заглянул на огороды, проверил всходы картошки. Оттуда медленно, вдыхая привычные запахи села, побрел в контору.

Была пора копчения красной рыбы — нерки, и отовсюду несло смачным прогорклым дымком, щекотало ноздри, нёбо... На фасадах домов, на фронтонах, просто на заборах — повыше, чтобы зверье не задевало,— висели распластанные рыбины. И там, где они висели вывернутые наизнанку, стены полыхали алым огнем, будто праздничные призывы. А там, где висели наружу чешуей, дома были схвачены серебристыми, холодно сверкавшими ожерельями.

На подоконниках, за простецким тюлем, в ярких лакированных банках из-под томатной пасты цвела герань. В таких же банках девочки таскали воду для детских своих затей.

Запахи были привычны, девочки знакомо строили Петру рожицы.

Он радовался возвращению домой, на свой остров.

Издали он заметил Веру, проходившую мимо афиши, прибитой к стене клуба. Он забыл, что ему надо было в контору. Он пошел девушке навстречу.

— Что-то ты такая толстая сегодня? — спросил он изумленно.

Веру в талии просто распирало. Она засмущалась и зачем-то расстегнула верхнюю пуговичку жакета.

— Пришлось, Петр Васильевич, еще взять щенков на выкорм. Больные... Да и холодновато им там, погода стоит ненастная, дожди...

— И куда же ты с ними теперь? — поинтересовался Петр, все еще недоверчиво косясь на ее талию.

— А к себе. Я кино смотрела. «Отчий дом».

— Юпитер, ты сердишься... — жалобно сказала Рита вдогонку, но он даже не обернулся.

Грохнул одной дверью, другой — и ушел в контору.

Вечером Петр забрел на вечеринку. Он не успел переступить порог, а уж его оглушили нестройной, в меру хмельной, но не в меру громкой песенкой:

Мы непьющие, некурящие,
Просто ангелы настоящие,
И веселые мы в компании...

Веселья, положим, вечеринке недоставало. Того непринужденного и непритязательного веселья, которое роднит и связывает на несколько часов разных по характерам, привычкам и душевной настроенности людей. Зато вполне доставало спирта. Его пили, разбавляя ананасным соком из консервов, и закусывали хрустящими консервированными огурчиками, вяленой рыбой, говяжьей тушонкой.

Было многолюдно, тесно, дымно. В этом добровольном скопище людей Петр никак не мог отыскать глазами Веру и сел на первый из предложенных ему стульев.

Сосед Петра, местный радист с багровым лицом, во всю ширину которого безобразно расплылся нос, протянул граненый стаканчик с ананасно-спиртным напитком.

— Это хорошо, Петр Васильевич, что вы почтили нас, так сказать...— бубнил он.— Но негоже оставаться трезвым в таком разе... И вообще, скажу вам, порядочный человек всегда должон быть одет в аккурате, чисто побрит и малость выпимши. Какового правила я и придерживаюсь всю мою вполне сознательную жизнь. — Радист шумно, слегка даже со всхлипом вздохнул: — Н-ну, поехали!

Петр выпил стаканчик залпом, и уже через минуту блаженное тепло растеклось по телу, а в следующую минуту он наконец-то увидел на другом конце стола Веру и растерянно улыбнулся ей.

Между тем его сосед опять «поехал» и, ловя вилкой скользкий грибок, с сомнением покачал головой:

— Горька-а!.. И как только ее, проклятую, пьют!

От спирта, что ли, у него был какой-то набрякший, хриплый голос.

— Вот я им устрою раздолбон! — погрозился радист неведомо кому и ткнул вилкой мимо тарелки.— Они меня попомнят.

Он был пьян.

Петр брезгливо отодвинулся.

Куда-то вдруг исчезла Вера.

Подумывая о том, что, пожалуй, самое время убраться отсюда восвояси, он вышел в сенцы и, ломая спички, закурил. В неверном накале папиросы проступили у стенки поленница дров и сидевшая на дровах Вера. Ей, должно быть, стало душно. Воротник ее кофточки был расстегнут.

— Вера,— сдавленно сказал Петр и, комкая в руке папироску, шагнул к девушке.

Она была горячая. И губы жгли, тугие и солоноватые, и щеки пылали жаром...

Она неловко уперлась коленками, а потом как-то сразу приникла к Петру мягко вздымавшейся грудью.

Звякнуло задетое ведро. А потом с громыханьем сорвались вниз поленья.

Петр подхватил Веру на руки и, резко толкнув дверь, вынес на улицу.

Было темно. Тонко шелестела вода, зализывая плотный песок, обегая белые раковины.

Они брели куда-то неторопливо, бездумно и молча.

— Тут я живу,—остановилась вдруг Вера около домика, похожего на все пятьдесят или сто других в селе.— Зайдем?..

Он вошел в крохотные сенцы и опасливо остановился, ожидая, не загремит ли что-нибудь. Вера увлекла его в комнату.

Наверное, не следовало заходить к ней, но он зашел. По инерции. Без раздумий. Без желания чего-то, но и без сожалений о чем бы то ни было.

Она торопливо поставила на примус чайник.

А Петр стоял около стола и рассматривал все подряд, что на нем лежало: книги «Сержант милиции» Лазутина и «Воскресение» Толстого, бесхитростные часики «Комета», подаренные администрацией зверофермы, и многочисленные грамоты под стеклом за хорошую работу и участие в общественной жизни.

В комнате было очень чистенько и очень обыкновенно.

Необыкновенным казалось лишь то, что в углу, близ кровати, на расшитой петухами подушке копошились щенки, и Вера поила их, полуслепых и квелых, глюкозой, сначала из пипетки, а потом, чтобы побыстрее, тоненькой струйкой прямо изо рта.

Щенки захлебывались, фыркали и чихали.

— Сохранить щенков не простое дело,— как бы оправдываясь, говорила она. — И с ложечки, бывало, их кормишь, и еду, какую полезней, подыскиваешь, и чуть ли не с собой спать укладываешь, пока они такие чахлые... Зато потом уж так они к тебе привыкают, уж так... Да и радостно, что выходила, спасла... Сейчас и мыслей других нет, как только об этих щенках. А иногда, знаете, даже ночью приснится, что самка щенков поела. Вскакиваешь, бежишь сломя голову на звероферму...

Петр отодвинул часики «Комета», показывавшие без малого двенадцать, и почувствовал, что сделает сейчас же, немедленно какую-то глупость, что-то непоправимое, если только не уйдет...

Он сжал пальцы в кулак и вытер вспотевший лоб.

— Ну, я пойду, Вера. Спасибо за приют,— сказал он хрипло, с удивлением прислушиваясь к своему голосу.

Она живо вскочила с колен. Кружка накренилась в руках, и глюкоза плеснула на подушку.

— Куда же вы? А чай?

— Не надо чая. Спасибо. И провожать не надо.

— Я же ничего такого... Я только чай...

Она с недоумением и обидой смотрела ему вслед. Глюкоза тоненько бежала по кружке и срывалась с донышка сладкими слезами—кап, кап...

Петр прошел к гавани, зачем-то сполоснул в воде чистые сапоги и выпрямился, постоял, онемев.

Гремели у рифов волны, и даже в темноте были видны пламенно-белые всплески прибоя. А сквозь тягостное громыханье в ушах пискливо и жалобно пробивалось, вроде кто-то морзянку сеял: «Юпитер, ты сердишься... Юпитер, ты сердишься...»

— Чертовщина какая! — сказал он вслух и, наклонившись, плеснул в лицо пригоршню воды.— Уж так мне обязательно надо было идти на эту вечеринку. И пить этот спирт. Это что, демонстрация терпимости к спирту? Как я мог, как я мог?..

Окончание следует.

РЕДАКЦИЯ «ОГОНЬКА» ПОЛУЧИЛА СЛЕДУЮЩЕЕ ПИСЬМО:

В 42-м номере вашего журнала за октябрь 1959 года напечатана заметка «Золотые трофеи советских штангистов», а также два снимка. На одном из них — Юрий Власов. При виде этого снимка у меня невольно содрогнулось сердце!

В 1949 году, когда я работал офицером-воспитателем Саратовского суворовского училища, у меня в отделении был воспитанник Юра Власов. У меня сохранилась фотография группы воспитанников, на которой запечатлен и Ю. Власов. При сличении фотографии и снимка в журнале я еще больше убеждаюсь, что это тот самый Ю. Власов.

В 1949 году он не увлекался этим видом спорта, так как ему тогда было 13 лет. Он, как и все воспитанники того времени, занимался футболом, зимой — лыжами.

Очень прошу вас от имени бывшего воспитателя Юр. Власова Студеникина Ивана Андреевича через посредство вашей редакции сердечно поздравить его с большим спортивным успехом — победой на мировом чемпионате.

Желаю ему новых блестящих успехов в спорте, а также полнейшего здоровья и благополучия в личной жизни.

Желательно было бы прочесть подробный рассказ о выступлении Юрия Власова в Варшаве.

До свидания, дорогие товарищи.

С приветом **СТУДЕНИКИН И. А.**,
техник филиала московского института «Резинопроект»
в городе Волжском, Сталинградской области.

Суворовец Юрий.

А этот снимок мы взяли из альбома самого Юрия Власова. Последним слева стоит Юра Власов (отмечен крестиком), руководит зарядкой воспитателя отделения майор И. А. Студеникин.

Юрий совет

Ю. Власов на помосте в Варшаве.
Фото автора.

Я. КУЦЕНКО,
заслуженный мастер спорта

Золотую листву в рощах подмосковной Балашихи быстро срывал порывистый осенний ветер, а непрекращающийся дождь нагонял тоску. Энергия, накопившаяся в мышцах атлета, требовала разрядки. Лишь бы не «перезреть», не «прокиснуть» — вот о чем думал Власов. Мысль о предстоящем чемпионате мира в Варшаве сверлила его мозг. Он старался все время быть чем-то занятым: то поднимался на помост, то садился за письменный стол. Молодой спортсмен увлекается литературным творчеством: пишет рассказы.

С детских лет Юрий Власов привык к суровому трудовому распорядку в своей жизни. Так было заведено в семье. Сын полковника, Юрий окончил Саратовское суворовское училище. Там он полюбил спорт и, поступив в Военно-Воздушную академию имени Жуковского, уже на первом курсе занялся тяжелой атлетикой. А через год его имя прозвучало на московском чемпионате: он завоевал первое место и установил всесоюзный рекорд в толчке.

Прошло еще два года упорных занятий. Власова включили в сборную команду СССР. Старший инженер-лейтенант сразу завоевал всеобщую симпатию и уважение.

И вот Власов собирался в Варшаву, он думал о своих будущих соперниках — могучем Брэдфорде, флегматичном Ашмане.

Казалось бы, чего опасаться? Ведь совсем недавно Власов установил мировой рекорд в толчке — 197,5 килограмма. Побит один из самых феноменальных результатов американца Андерсена. Но Юрий был в том состоянии, которое обычно для спортсменов, впервые принимающих участие в крупнейших международных соревнованиях. «Меньше думать об этом! — убеждал себя Власов. — Скорее в Варшаву!»

А в польской столице Юрия Власова ждали уже с нетерпением. Хозяин американской команды Боб Гофман подробно расспрашивал о советском атлете. «Я хочу увидеть парня, который лишил Андерсена его главного рекорда», — говорил Гофман и внимательно наблюдал первую же тренировку молодого спортсмена.

— Шеманский, Дэвис, Андерсен были великими атлетами, — заявил Гофман после тренировки. — Но Власов — это лучшее, что я когда-либо видел. Изящный тяжеловес!

И Гофман рассмеялся, довольный своим парадоксом...

Мышцы Андерсена утеряли атлетические формы и пропорции. Власов — он весит 115 килограммов, на 50 килограммов меньше Андерсена, — сложен на редкость гармонично. Вот что имел в виду Гофман, когда назвал Юрия «изящным тяжеловесом».

Пауль Андерсен! Феноменальные результаты этого «человека-скалы» хоть кого могли вывести из равновесия. После Мельбурна Андерсен перешел в профессионалы, но рекорды остались. Найдется ли спортсмен, который сможет не только состязаться с «подъемным краном из Теннесси», но и победить его хотя бы в заочной борьбе?

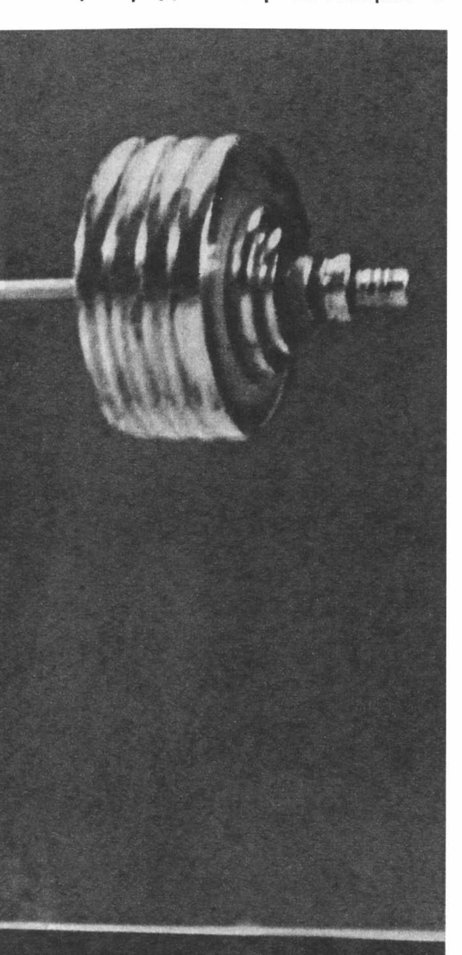
Перед самым отъездом в Варшаву Юрий Власов ответил на этот вопрос: он побил мировой рекорд Андерсена на целый килограмм. Да, не огромные габариты и собственный вес атлета решают победу, а техника, мастерство!

Многочисленные журналисты и фоторепортеры, съехавшиеся в Варшаву, не могли не отметить

Власов — ...ский богатырь

всестороннего развития советского атлета. Превосходное знание французского языка облегчило его общение с иностранцами. Любители сенсаций интересовались аппетитом Власова, но им пришлось довольствоваться самыми скромными сведениями. Власов ел мало в отличие от других тяжеловесов, поглощавших по нескольку бифштексов за один присест.

Власов интересовался другим: что представляет собой его главный соперник Джим Брэдфорд? Тренер Джон Терпак говорил о

нем: «Этот лентяй принялся наконец за тренировки и сможет в сумме показать полутонный результат». Брэдфорд работал на тренировке в полную силу. Густым баритоном напевал он перед каждым подходом к штанге песенку «И-оу-эй!», напоминающую нашу «Дубинушку», и выжал 167,5 килограмма! Восхищенное «О'кэй!» слышится вокруг. «О'кэй!» — произносит сам Брэдфорд. Он явно доволен собой. Затем гигант-негр вырывает 145 килограммов и толкает 175 килограммов. И вновь слышится «О'кэй!». Гофман выражает удовлетворение. Он тоже доволен «главным козырем» своей команды. Терпак угощает всех жевательной резинкой. Усиленно работая челюстями, присутствующие обсуждают шансы Брэдфорда.

Этих результатов, показанных на тренировке, достаточно для серьезного «разговора» с Власовым — так заключили многие.

Трудно предвидеть, как сложится спортивный поединок, но еще труднее уберечь спортивную форму. Власов излишне волновался и начал соревнование не совсем удачно. В жиме ему удалось зафиксировать всего лишь 160 килограммов. На следующем подходе — 167,5 килограмма он допустил грубую ошибку, и вес так и не был засчитан. Плохо, очень плохо для начала! А в это время Брэдфорд зафиксировал 170 килограммов и сразу вырвался вперед на 10 килограммов. А ведь это только после жима! Что же будет, если такой же срыв случится у Юрия Власова и в рывке? Тогда поражение... Недаром многие считают, что победа в жиме — это все равно, что попутный ветер для остальных движений. Неужели Власов, подлинный мастер толчка и рывка, даст себя растерзать «мышечному чуду» Брэдфорду?

Эпическое спокойствие Гофмана сменилось оживлением: срыв русского атлета увеличивает шансы его питомца взойти на высшую точку пьедестала почета. Товарищи Брэдфорда тоже возбуждены. Ему предлагают серые таблетки протеина, в мощное тело втирают белую согревающую жидкость, бережно, словно ребенка, его пеленают в теплые одеяла.

Советский атлет неторопливо выходит во двор, на свежий воздух. Он не переносит запаха растирок, которым за шесть дней пропитался зал, не любит он также коллективной опеки и хора советчиков. Конечно, хорошо почувствовать рядом с собой друзей, но советы Юрий привык получать только от своего тренера Сурена Петровича Багдасарова.

Начался рывок. Брэдфорд достиг 145 килограммов. Далось ему это нелегко. Нужно было слышать, как он скрежетал ослепительно белыми зубами, видеть, как лихорадочно горели его огромные глаза перед каждым выходом к штанге.

Власов действовал осторожно,

Ю. Власов (в центре) — чемпион мира. Слева от него — Д. Брэдфорд (США), справа — И. Веселинов (Болгария).

без риска. Он последовательно зафиксировал 140 и 145 килограммов, но перед третьим, последним, подходом к штанге случилась новая беда. Уходя с помоста, Власов зацепился за выступ, и нижний слой подошвы ботинка оторвался. Судейские правила суровы: только три минуты между подходами отведены спортсмену для того, чтобы отдохнуть и сосредоточиться. Стрелки неумолимо отсчитывали секунды, а лихорадочные поиски ножниц и проволоки продолжались.

Лишь перед самым вызовом на помост подошва была кое-как скреплена у носка. Можно действовать. Борьба продолжается. Блестяще зафиксирован вес 147,5 килограмма. Власов попросил разрешения использовать четвертую, незачетную попытку для установления мирового рекорда. И вот штанга весом в 153 килограмма взлетела в воздух и замерла в сильных руках штангиста.

Но дело было не только в мировом рекорде: у Власова появилась уверенность. Сейчас он готов сделать все, выложиться в этом захватывающем поединке до конца, лишь бы догнать Брэдфорда.

Брэдфорд, видимо, чувствует, как нарастает натиск Власова. Он не может поднять в толчке больше 177,5 килограмма и заканчивает борьбу с суммой 492,5 килограмма.

«Кто силен в толчке, тот силен и в троеборье!» — гласит старая штангистская истина. Власов уже после первого подхода догнал американца по сумме трех движений и выиграл звание чемпиона мира: он был ведь легче Брэдфорда. Но в запасе оставались еще два подхода! Судья вызывает его к штанге. Легко и грациозно — если так можно сказать о человеке, поднимающем штангу весом в 192,5 килограмма — Юрий фиксирует вес. Он набрал заветную сумму — 500 килограммов. Брэдфорд позади!..

Шесть лет упорно шел к цели Власов, увлекаемый мечтой о победе на мировом чемпионате. И мечта стала явью. В натруженной, огрубевшей от частых прикосновений к стальному грифу ладони он ощутил наконец легкий холодок двух золотых чемпионских медалей — мировой и европейской.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЖИВОПИСЬ

Проф. М. ГУКОВСКИЙ

С экспозиции итальянского искусства начинается отдел Западной Европы в Эрмитаже.

Здесь выставлено очень большое количество ценнейших памятников искусства Италии: картин, скульптур, произведений прикладного искусства (мебель, фаянс, стекло, медали, кожа и т. п.). Как и в других отделах Эрмитажа, предметы эти выставлены комплексно, то есть в одном помещении показаны различные произведения искусства, относящиеся к одному времени. Это дает возможность посетителю лучше почувствовать и понять вкус и стиль страны в данное время, а также помогает углубленному пониманию каждого произведения в отдельности.

Не легкой и далеко не мгновенной была победа нового искусства над поддерживаемым церковью в течение столетий искусством средневековым. В ряде живописных произведений, сохраняющих иконное назначение — золотой фон, темные лица, лишенные индивидуальных черт, условные, мертвые позы,— сначала робко, затем все более решительно проявляются черты наблюдения реальной жизни. Эти изменения ясно видны в «Мадонне» сьенского художника Симоне Мартини (1283—1344), вполне иконной по своей композиции и красочному решению, но в то же время удивительно нежной и эмоционально выразительной. Кажется, что новая, бурная жизнь, кипящая на улицах Сьены — города банкиров и купцов,— заставила быстрее забиться сердце традиционной мадонны, вызвала легкий румянец на ее лице, сделала простыми и человечными ее легкие движения.

То, что у Мартини только едва намечено, у ряда художников XV века проявляется с полной ясностью и определенностью. Они по-новому увидели и почувствовали природу, поняли ее тесную связь с человеком и самого этого человека стали воспринимать не как послушного раба высших, невидимых, божественных сил, а как хозяина своей судьбы, сильного и прекрасного творца.

Чима да Конельяно. БЛАГОВЕЩЕНИЕ.

Это громадное, поистине революционное открытие заставило художников со страстным вниманием всматриваться в окружающую их реальную жизнь, с прямо детской влюбленностью подмечать и точно изображать отдельные, часто незначительные ее детали. Так, в написанной в конце XV века, в 1495 году, картине Чима да Конельяно привычная, иконная тема «Благовещения» трактована как жизненная, бытовая сцена. Мадонна, по одежде и общему облику типичная венецианская женщина с пухловатым наивным лицом, читает книгу в спальне зажиточного дома. За окном — североитальянский пейзаж с церковью, жилыми домами и замком на высоком зеленом холме. Но и этой вполне обычной обстановки недостаточно художнику, чтобы подчеркнуть реальность происходящего,— на пюпитре он с удивительной детальностью и наблюдательностью изображает муху, а на подножии кровати на листок пергамента сажает осу, написанную с такой точностью, что она кажется живой. Ощущение будничной действительности, которое передает художник, так велико, что его не могут нарушить ни большие крылья ангела, ни лилии в его руке, воспринимаемые как простая бутафория.

В новую эру истории живописи вводит творчество великого художника, ученого и инженера Леонардо да Винчи. Длительно и напряженно работавший над каждым своим произведением, Леонардо оставил немногим более десятка картин, две из которых являются украшением Эрмитажа.

Отказываясь от мелочной детализации, характерной для картин его предшественников, Леонардо создает образы простые, обобщенные, монументальные, наделенные громадной духовной силой и эмоциональной выразительностью и в то же время жизненные и конкретные. Так, «Мадонна Литта», небольшая картина, по своему сюжету не менее традиционно иконная, чем разобранная выше картина Чима да Конельяно, не ограничивается показом бытовой сценки, а раскрывает великую проблему материнства в самом широком смысле этого слова. Картина ясна и гармонична. Она изображает на черном фоне пленительный образ молодой матери, с умилением, любовью и грустью взирающей на своего ребенка, который, перебирая пухлыми ножками, обратил к зрителю не по-детски мудрый, внимательный взгляд. Оба образа картины вылеплены с буквально ощутимой рельефностью, что достигнуто при помощи нежнейших переходов от света к тени.

Особую струю в итальянское искусство вносят художники, работающие в крупнейшем торговом приморском центре, в «жемчужине Адриатики» — Венеции. Большое внимание уделяют они цветовому решению картины, ее богатому, сочному колориту, выдержанному в светлых, золотистых тонах, столь характерных для сырого приморского климата Венеции. Значительное место в картинах художников этой школы занимает пейзаж, а люди, помещаемые на его фоне, отличаются подчеркнутой телесностью. Прочно стоят их плотные, могучие фигуры в окружении зеленых лугов, холмов, лесов окрестностей Венеции, просто и сильно переживают они радость и горе, вполне земные и реальные.

С особой яркостью проявляются все эти черты в творчестве одного из крупнейших художников Венеции XVI века — Тициана. Эрмитаж обладает рядом его прекрасных картин. Его «Мария Магдалина» характерна для зрелого периода творчества художника. Молодая красивая женщина венецианского типа поражена тяжелым горем. Глаза ее полны слез. Она решила отказаться от своей прежней греховной жизни. Об этом говорит и весь ее вид и книга духовного содержания, которую она только что читала. Но горе, тревога, раскаяние отнюдь не лишают кающуюся Магдалину живой женственной прелести, — наоборот, подчеркивают ее.

Период «Высокого Возрождения» был весьма недлительным. Уже со второй половины XVI века начинаются поиски новых путей в искусстве — путей, во многом продолжающих традиции Возрождения, но в еще большей степени их отрицающих. Возникают разные, часто борющиеся между собой течения. Вождем одного, самого значительного из них, был Караваджо, посвятивший свою недолгую, полную приключений и неудач жизнь борьбе за выразительное, острое и понятное искусство, изображению простых людей, до этого только случайно получавших доступ в произведения живописи.

Эрмитажная «девушка» (а может быть, мальчик) с лютней, относящаяся к раннему периоду творчества мастера, изображает молодое, веселое, жизнерадостное существо, некрасивое, но пленительное своей полнокровной реальностью, в окружении необычайно конкретно переданных и сочно написанных обыденных предметов, музыкальных инструментов, фруктов, цветов. Как далеко отстоит этот образ даже от мадонн, магдалин и героинь «Высокого Возрождения»! Недаром произведения Караваджо оказали такое сильное влияние на искусство большинства стран Западной Европы — в первую очередь Фландрии, Голландии и Франции.

Близок по своему общему характеру к работам Караваджо, хотя и несколько более параден, «Портрет актера» Доменико Фетти, чрезвычайно строгий и благородный по своему колориту, с большой силой передающий умное и несколько презрительное лицо утомленного долгой жизнью и постоянным лицедейством старого комедианта.

Уже в XVII веке, когда итальянское искусство выдвигает ряд влиятельных направлений («караваджизм», «академизм») и ряд крупных, талантливых мастеров, оно постепенно теряет свое ведущее место, которое переходит к художникам других стран: Фландрии, Голландии, Франции.

Однако и в это время в Италии, особенно в сохраняющей долго (до конца XIX века) как свою политическую самостоятельность, так и остатки своего блеска Венеции, появляются выдающиеся мастера.

Длинен, извилист, богат яркими талантами путь итальянской живописи XIV—XVIII веков — живописи, заложившей основы реализма в искусстве. Памятники этого пути, хранящиеся в Государственном Эрмитаже, не только рисуют его основные, поворотные этапы, но и своим немеркнущим художественным совершенством доставляли, доставляют и будут доставлять глубокое эстетическое наслаждение миллионам посещающих музей зрителей.

Леонардо да Винчи (1452—1519). МАДОННА ЛИТТА. Около 1490 года. **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ**

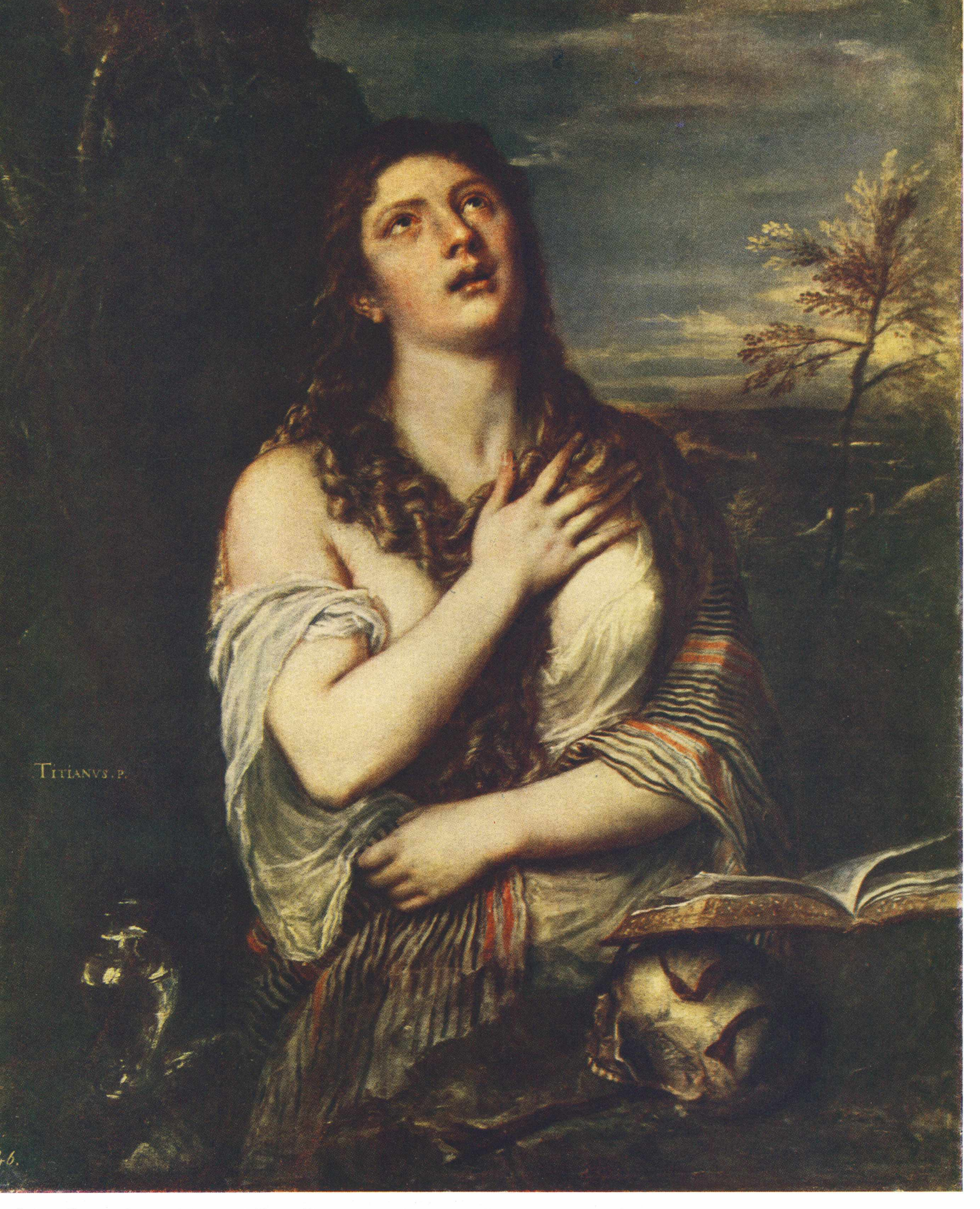
«Огонек».

Доменико Фетти (1589—1624). ПОРТРЕТ АКТЕРА. Начало 1620-х годов.

Караваджо (Микеланджело Меризи) (1573—1610). ЛЮТНИСТКА. 1595 год. **ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭРМИТАЖ**

Тициан [Тициано Вечеллио] [между 1485 и 1490 гг.—1576]. КАЮЩАЯСЯ МАРИЯ МАГДАЛИНА. 1560-е годы.

И в самом малом человек с большой буквы

Н. АЛЕКСАНДРОВА

Мы начали в прошлом году в тридцать четвертом номере «Огонька» разговор о женской гордости, но с каждым новым письмом, приходившим в редакцию, он становился все шире, затрагивались многие вопросы жизни и поведения людей в быту. Часть из этих писем мы сегодня печатаем. Они перед вами. Но мне хотелось бы сказать несколько слов о других письмах, что лежат сейчас на столе редакции и тоже тревожат своим вопросом: как быть, что дальше?

«...У меня нет ни мужа, ни семьи, ни ребенка,— пишет молодая женщина, от которой недавно ушел муж.— Для чего и для кого жить? Только для самой себя? Но возможно ли это? Как тоскливо!»

Волнуясь, пишет о своей затаенной любви молоденькая комсомолка Люба К.:

«...При встрече с ним я совершенно теряюсь, слова не могу сказать. Вот мы рядом целый день, вместе работаем, и он для меня самый родной. Открыться ему, сказать об этом я не смею. И он молчит».

«...Поймите, Аня никому больше не верит,— пишет ефрейтор Владимир Ларионов.— Сколько раз я говорил ей, да она и сама это знает, что я люблю ее, что ее ребенок от другого не помеха в нашем счастье, вместе воспитаем. Но она только с сомнением качает головой. Неужели же из-за одной ошибки можно потерять веру ко всему и ко всем? Я пишу ей часто-часто, а она отвечает редко...»

«...Мы прожили с женой больше десяти лет, и теперь между нами холодок. Жена говорит, что с годами у всех так. Но правда ли это? Зависит любовь от стремления людей сохранить ее, сберечь, или в самом деле, как погода и непогода, она вдруг приходит и так же внезапно уходит?»

«...Объясните, пожалуйста, что такое дружба? Я спрашиваю потому, что папа не разрешает мне встречаться с молодыми людьми, даже если они из нашего техникума. Он не верит, что можно просто дружить...»

Вот так разросся наш разговор.

Многое можно было бы сказать по поводу каждого письма. Сказать ефрейтору Ларионову, что разочарование, постигшее его любимую, оставляет свои долгие следы и надо иметь много терпения и ласки, чтобы вернуть ей светлое ощущение жизни. Ушедший не захлопывает разом за собой дверь. С чувством расстаются трудно. Да ведь Аня сейчас и не одна. Как мать, она, естественно, вдвое, втрое осторожна: ведь это и судьба ее ребенка.

Можно было бы поспорить и об «уходящей» с годами любви. Всегда ли она уходит? Жизнь отрицает это, и примеров тому тысячи. Конечно, никто не стоит на месте. Да и как было бы скучно, если бы день за днем повторялась только та сказка, какой была первая встреча,— книга, раскрытая на одной странице. Не случается ли, однако, иначе, чем кажется автору письма,— с годами чувство становится лишь более зрелым и сильным. Вольны ли люди в этом? А как же! Нельзя же смотреть на свои чувства лишь как на какое-то наитие.

Письмо покинутой женщины... «Как тоскливо!» — пишет она. И против этого трудно возразить. Хочется только заметить: не надо в переживаниях, пусть и тяжелых, усматривать полную безысходность. Вот перед вами ведь только что прошла словно бы вторая часть этой самой истории (я имею в виду письмо Ларионова об Ане). Можно ли вовремени принимать за тупик?

Мы часто говорим о дружбе и товариществе как о новом качестве наших людей. Но эти слова, пожалуй, чаще всего адресуются на завод, на предприятие, как принято говорить, «по месту службы». Там — да, мы не потерпели бы унижения человеческой личности, не простили бы оскорбления. А дома, в семье, нередко мы только пожимаем плечами: «Что делать, дурной характер». Богом данный характер, абсолютный, неизменный, «от века до века»? То, на что следует смотреть как на стихийное бедствие, как на бесспорное право от рождения? Не странно ли: меняются взгляды, устремления, свершения человека, и только «характер» его остается неизменным? Словно он существует сам по себе, словно вне человека, вне мыслящего существа. А что, если посмотреть на дело иначе и назвать все так, как оно и есть: не отражается ли в этом явлении «дурного характера» старый взгляд на жизнь, черствый пережиток прошлого? Неуживчивость, грубость, деспотизм — к лицу ли это новому человеку, коллективисту?

Если бы мы все, далекие участники этого разговора, собрались вместе, сколько же дней и ночей мы провели бы, споря над каждым письмом! Но страницы журнала имеют, увы, свой регламент, и мы должны ему подчиняться. Да и не на все ведь ответишь! Сказать Вере, чтобы она написала Сергею? Посоветовать Любе К. поскорее признаться в любви? Мы взяли бы на себя неблагодарную задачу. Не зная людей, их отношений и чувств, стали бы, как рецепты, раздавать легкие советы: позвонить, сказать, уйти. Конфликты, когда сталкиваются воля и чувства людей, никогда не повторяют друг друга. Иногда ответ надо искать только в себе самом. А для этого нужно иметь взгляды и, я бы сказала, точнее, принципы в жизни. Ради них мы и подняли разговор о женской гордости.

Рита не виновата!

Я прошу у Вас совета, хорошего товарищеского совета. Но то, что думаешь, очень трудно иногда выразить на бумаге. Буду кратка.

Скоро четыре года, как я замужем. У меня есть дочь Рита — прекрасный ребенок. Об этом мне все говорят, и я, мать, очень рада. А вот с мужем мы не ладим. Началось с глупых подозрений по моему адресу, потом придирки, рукоприкладство, оскорбления. Видимо, я не смогла найти подхода к нему. Он отдалился от семьи окончательно, но почему-то не уходит от нас. Живет в одной комнате с нами, а со мной не разговаривает. Так мы живем уже два года. За это время я поняла, что он не любит меня как жену, не уважает как женщину, не видит во мне подругу жизни. Я для него ничто! Только с дочерью иногда играет. Если бы я была одна, тогда бы Вы не читали этих горьких строк. Но Риточка! Ребенок не виноват, что мы не нашли общего языка. Она должна иметь отца, она спросит о нем, когда подрастет. Что же мне теперь делать?

Тамара Малова

Такой «любви» не хочу

Я работаю библиотекарем в сельской библиотеке. Прочитала «О женской гордости». И решила взяться за перо. Дело в том, что у меня тоже так получилось. Я жила с мужем в городе Коврове. Жили очень хорошо, но вот приехала его мать и стала сыну наговаривать: зачем-де ей работать (я тогда работала в швейной мастерской), пусть дома сидит. Из-за этого у нас начался разлад. Я не ушла из мастерской. А потом муж мне стал говорить, что, мол, я некрасивая и он меня не любит. Смирила я свою гордость. Пыталась угодить мужу. А он даже не обратил внимания на все это, принимал как должное.

Вижу, что этим любви не добьешься. И вот я решила мужа бросить и уехать. Уехала с сыном к родным в Белоруссию. Я твердо знаю, что воспитаю сына, а сама еще думаю учиться. В следующем году поступлю в Ленинградский библиотечный институт. А пока работаю. Работаю и все думаю: да, я его любила, но что же это за любовь, когда тебя день за днем обижают? Такой «любви» не хочу.

Мария Репина

Жизнь не останется без песни...

Пережитое Сашей Н.— повторение того, что случилось со мной. И то, что Вы написали Саше, я прочла так, будто Вы писали мне.

Я очень люблю Виктора, люблю давно, но он ничего не знал об этом. Некоторые девушки из техникума, где я училась, даже удивлялись, как можно любить человека, который ничего не знает о тебе и не подозревает о твоем чувстве. Но я об этом не думала.

Когда я приезжала на каникулы домой, то не ходила ни на танцы, ни на вечера. Я знала, что он никогда не подойдет ко мне. А видеть его, видеть его улыбку, предназначенную не мне, а другим девушкам, не могла. Чтобы заглушить в себе боль, решила уехать куда-нибудь далеко-далеко, забыть о нем и по-новому начать жизнь.

Перед отъездом в Тувинскую автономную область получилось так, что мы стали с ним встречаться, говорили о кино, книгах, а, пожалуй, больше всего молчали. Наверно, он думал, что я очень скучный человек. Я мало говорила, но с каким восторгом слушала его рассказы о себе, о его работе, о матери! Однажды мы вместе возвращались из театра. Я набралась храбрости и сказала Виктору о своей любви. Я не считала и не считаю сейчас, что это было унижением моей гордости. Но было очень больно, когда Виктор сказал: «Мне жаль тебя, Лариса...».

Я уехала в Туву. Сейчас работаю в одном из районов и еще больше люблю Виктора. За что? Сама не знаю. Вижу все его недостатки — и люблю.

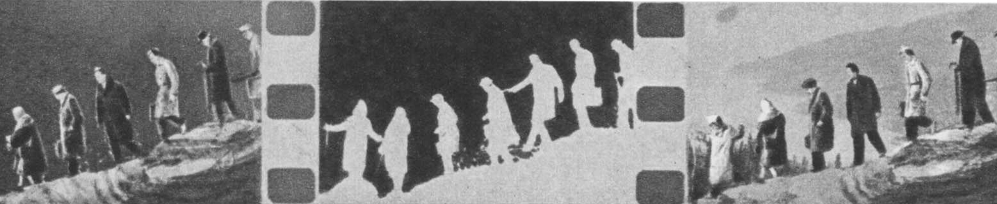
Усталая, возвращаюсь домой ночью и часто останавливаюсь на берегу Енисея. Слезы порой душат меня, и снова в комнате меня ждет та самая печальная подушка, о которой Вы писали. И все же я не могу назвать свою жизнь пустой, ненужной. Не знаю, в чем мы, я и Саша, которой Вы отвечали, найдем свое удовлетворение: в личной жизни, в труде или в чем-либо ином, — но я знаю, что жизнь наша не останется без песни и радости.

Лариса К.

После выступления «ОГОНЬКА»

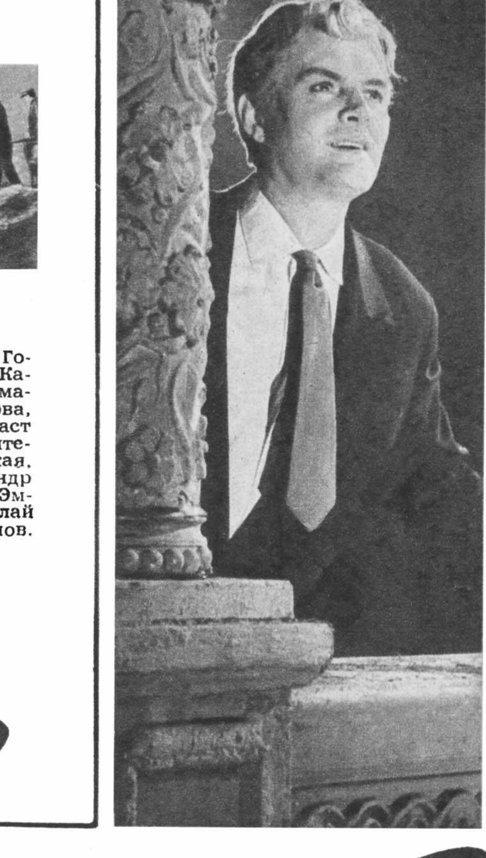
ЧИТАТЕЛЬ ВЕДЕТ РАЗГОВОР

См. окончание на 24-й стр.

Н. СВЕТЛОВА **Фото И. ТУНКЕЛЯ.**

Слева направо: Гомер Джонс — Павел Кадочников, Варвара Комарова — Любовь Орлова, господин Пиблс — Эраст Гарин, Пандора Монтези — Элина Быстрицкая, доктор Адамс — Александр Барушной, жулик — Эммануил Геллер, Эдлай Скотт — Андрей Попов.

В кадре —

Непредвиденное путешествие по Сибири началось. Но прежде чем самолет, на котором летят иностранцы, сделает вынужденную посадку в снежных горах Забайкалья, давайте познакомимся с героями фильма «Русский сувенир», съемку которого сейчас заканчивают режиссер Г. В. Александров и оператор Г. Д. Айзенберг.

Предоставим слово Автору — есть такое действующее лицо в фильме. Судя по его манере выражаться и держать себя, он респектабелен, трусоват и, стремясь перестраховаться, на всякий случай всегда остается за кадром. «Мало ли что может случиться в наше бурное и беспокойное время!» — говорит этот кинодраматург.

Вообще Автор не очень внимателен к своим героям. Сейчас, например, он попросил остановить демонстрацию фильма в самый неподходящий момент, когда люди от сильного толчка в самолете упали с кресел, вещи подлетели к потолку или катятся по полу. И вот все замерли в самых невероятных положениях. Для чего же кинодраматург остановил демонстрацию? Может быть, он нашел недостатки в фильме и хочет что-нибудь изменить, исправить? Нет. Где же вы видели такого самокритичного автора?!. Просто он собирается не торопясь, спокойно представить своих персонажей, а то, что они в это время стоят на голове или сидят друг на друге, не беда — потерпят!

Мы будем более снисходительны к действующим лицам комедии и разрешим им присутствовать на наших страницах при других обстоятельствах.

Надо сказать, что Автор представляет героев такими, какими он их задумал. Но, как в любом хорошем произведении искусства, каждый характер развивается, и поэтому в финале фильма не все рекомендации будут оправданы...

Итак, зрители с первых кадров узнают от Автора, что суховатый седой пожилой мужчина — это магистр теологии Джон Пиблс из Кембриджа. Он считается крупнейшим знатоком Советской страны, так как побывал в России в 1913 году.

Человек, который не расстается с сигарой, — мистер Эдлай Хантер Скотт, американский капиталист. Он решителен, напорист, предприимчив. Сам Скотт уверяет, что природа одарила его особой интуицией. С ее-то помощью он и сделался миллионером. Но в Сибири гениальная интуиция не раз подводит капиталиста.

Даже во время сильного толчка в самолете не изменил меланхолического выражения лица Гомер Джонс. Это секретарь Скотта, неудачник, переменивший много профессий, потерявший веру в человека. Отрицание всего — таково отношение его к действительности. Может быть многое увидев и полюбив, он снова обретет веру?

Ослепительна красота итальянской графини Пандоры Монтези. А с помощью портных, парикмахеров, ювелиров она всегда предельно элегантна, всегда владеет вниманием мужчин. Но какая тайна скрывается в глазах этой не только красивой, но и просто милой, впервые полюбившей женщины?

Часто рядом с графиней в фильме будет появляться доктор Адамс — ее личный врач. Этот пожилой господин, лечащий бессонницу методом психоанализа, гордится, что у него нет родины, — он гражданин вселенной. Вскоре выясняется, что у него нет не только родины, но и совести. И за этот недостаток придется мистеру Адамсу поплатиться.

В этом же самолете летит Варвара Комарова. Попав в тайгу вместе с группой иностранцев, Варвара выручает их из многих затруднений, и неожиданно для себя она заменяет то «Интурист», то Министерство иностранных дел, то Союз обществ дружбы.

На вопросы своих попутчиков: «Кто же вы? Чем вы занимаетесь?» — Варвара говорит: «Я зажигаю звезды». И действительно, это оказывается правдой.

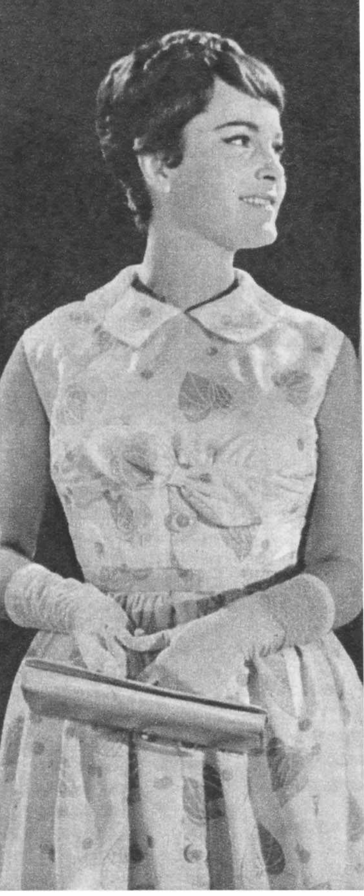
Где только не побывали наши путешественники! Они видели, как строится крупнейшая электростанция, как запускают ракету на Луну. Они прокатились на плоту с цыганами, ночевали в опустевшей тюрьме, где одинокий сторож сдает «номера», гуляли на празднике во Дворце культуры нового города, выросшего в тайге...

Сколько пришлось проехать режиссеру, оператору, актерам, гримерам, бутафорам, парикмахерам, портным! Наверное, целый поезд со съемочной группой, с костюмами и реквизитом двигался по Сибири. А как же добирались к вершинам Чуйских Белков или в горы Хамар-Дабана? Ведь там нет железных дорог! Может, вереница вертолетов выстроилась в небе, чтоб доставить актеров и весь кинематографический скарб в горные районы Алтая и Забайкалья?

Нет, на этот раз все было не так. На съемку в Сибирь выезжали только режиссер и оператор. Они снимали там пейзажи, или, как говорят работники кино, фон. Фильм делается методом блуждающей маски — значит, можно снимать раздельно: сначала фон, а затем и актеров. Поэтому почти все съемки актеров шли в павильоне. Здесь специальный киноаппарат с призмой снимает сразу на две пленки: на одну — обычное цветное изображение, на вторую — только силуэт актеров, декораций. Это и есть блуждающая маска. Она помогает в дальнейшем совместить пленку, на которую заснят

Эраст Гарин и Рая Удовикова.

Комедия

Г. Д. Айзенберг.

фон, с пленкой, на которую снято действие.

— Метод блуждающей маски,— говорит оператор Г. Д. Айзенберг,— позволил нам показать зрителям настоящие, «живые» пейзажи. Мы отсняли степной Алтай, проехали по Чуйскому тракту до Монголии, снимали Телецкое озеро, Байкал, города Урала, все строящиеся в Сибири гидроэлектростанции. Приходилось снимать из окон самолетов, со строительных кранов, забираться с камерой на высокие скалы. Конечно, ни в одном из этих мест развернуть съемку с актерами немыслимо!

— Есть и еще одно преимущество, — добавляет Григорий Васильевич Александров.— Вряд ли имело смысл артисткам Орловой и Быстрицкой соревноваться в мастерстве с верхолазами или Гарину выделывать акробатические трюки над ущельем, а Попову попадать в объятия медведя. Кто его знает, насколько объятия эти окажутся дружественными! Но, обеспечив «охрану труда» методом блуждающей маски, мы сняли эти кадры.

...Почти все веселые приключения, которые должны были произойти, уже произошли. Но, как часто бывает в кинематографе, сейчас снимают самое начало фильма.

— Внимание! — говорит Александров.— Будем снимать спуск по горным вершинам к Байкалу.

Вы устали от долгой ходьбы,— продолжает режиссер, обращаясь к актерам,— вымокли под дождем, продрогли. Но перед вами открывается замечательный пейзаж, и вы невольно останавливаетесь посмотреть на него.

Этот замечательный пейзаж как-то трудно представить здесь, в павильоне. Но у актеров иное зрение. Они увидели пейзажи Байкала! Иначе как смогли бы они, устало шагавшие друг за другом по наспех сооруженной фанерной горке, вдруг остановиться, и каждый по-своему, каждый в силу своего характера, душой откликнуться на величавую красоту природы!

Снимается следующий кадр — обвал.

Снежная лавина обрушивается на путешественников, и они... проваливаются в ущелье. И горы и снежная лавина находятся на другой пленке. А здесь, в павильоне, только актеры да еще дым, которым их окутывают. Проваливаться тоже некуда. Просто оператор во время съемки будет поднимать камеру. Актерам же надо сыграть падение. Режиссер кричит: «Толчок! Обвал!» И вот, стоя на ровной площадке, припорошенной мелом и обвеваемой вентилятором, обеспечивающим ураган, они так смешно падают, будто стараясь удержаться, цепляясь друг за друга, что все, кто собрался в этот час в павильоне, от души смеются.

Конечно, актеры, снимаясь в павильоне, видят и пейзаж и обвал. Но, когда им в просмотровом зале показывают новые куски готовой, смонтированной с фоном киноленты, они удивлены. Думается, что даже оператор и режиссер каждый раз с некоторым удивлением и уж, безусловно, с волнением встречают своих героев, путешествующих по настоящей, не в павильоне снятой Сибири.

И именно память об этой настоящей Сибири, память о гостеприимстве и доброжелательстве советского народа — русский сувенир — увозят герои фильма — иностранцы к себе на родину.

Г. В. Александров.

ПЕРВАЯ ГОРДОСТЬ

Рассказ

И. ВАСИЛЕНКО

Рисунки В. КАНЕВСКОГО.

Геня уже давно заметил, что, если у отца приподнимется и слегка надломится левая бровь, он, прежде чем взять ложку в руку, обязательно скажет: «Ну и орешек нам сегодня достался!» Вот и теперь: пришел отец с работы, вымылся, фыркая под краном, расчесал мокрые белесые волосы и сел за стол; мать разлила в три тарелки горячий суп, и, когда над столом поднялся прозрачный парок, пахнущий курятиной и лавровым листом, у отца надломилась левая бровь. Глядя куда-то вбок, он сказал будто про себя:

— Да, поработали сегодня други. Заклинил боек, нарушились направляющие станины, образовалась трещина в основании. Словом, достался орешек.

— Суп простынет,— напомнила мать.

— Сейчас...— Отец взял ложку.— Попотел Николай, пока ему удалось снять боек. Ну, и Петр не дремал, довел-таки кривошипы до рабочего состояния.

Что такое боек, направляющие станины или кривошипы, Геня не знал; смутно ему представлялись какие-то неуклюжие формы железа, темные от ржавчины и тускло поблескивающие от машинного масла. Но людей, которые составляют отцову слесарно-ремонтную бригаду, он представлял отчетливо: где бы и что бы ни заклинило, ни треснуло и ни загнулось, они все выправят, наладят и пустят в ход. Хоть железо упрямое, а они еще упрямей. Вот почему на отце, на Николае и Петре, на Иване Мироныче и товарище Заднепровском весь цех держится.

Отец доел суп, положил ложку и спросил:

— А как у вас?

В прищуре светлого с желтым зрачком отцова глаза Геня чувствовал и добродушную снисходительность и озабоченность.

— А-а,— махнул он слабо рукой,— игрушки клеим из картона для дошколят.

— И то дело,— сказал отец так, что нельзя было понять, одобряет он или смеется.

— А что ж, доставить ребенку радость — разве плохое дело? — вступила в разговор мать.— Вот и молодцы, что о маленьких заботитесь!

Отец помолчал и совсем другим голосом сказал:

— Молодцы-то молодцы, да молодцам этим по двенадцать лет уже стукнуло.

И Геня почувствовал, как запылали у него щеки.

— А мы виноваты, что нас не учат! — с обидой протянул он.— В семнадцатой школе ребята в своей мастерской заказ на пчеловодный инвентарь выполняют, а у нас и мастерской настоящей нет.

...Время близилось к весне. Снег еще белел в канавах, а солнце уже светило ярко, на деревьях заметно обозначились почки, и ветер приносил откуда-то запахи пригретой земли.

Из школы Геня пришел с новостью: в их отряде недавно сменился вожатый; теперь вожатым был уже не ученик девятого класса своей же школы Ваня Козлов, а самый настоящий рабочий модельного цеха, столяр пятого разряда Гриша Журбенко. С новым вожатым в мастерской появились буравы, ножовки, рубанки. И вот сегодня, готовясь ко дню птиц, отряд сделал восемнадцать скворечен. Гене не терпелось похвалиться и новым вожатым и восемнадцатью скворечнями. Но только он раскрыл рот, как заметил, что у отца приподнялась и надломилась левая бровь.

— Да-а,— сказал отец,— достался орешек, попотели мы сегодня. И все-таки Николай добился, что станина перестала вибрировать. Иван Мироныч тоже не отстал: во всех коробках скоростей подшипники заменил.

— А зачем это, чтоб перестала вибрировать? — спросил Геня.

— Видишь ли, главное в модернизации станка — это перевод его на скоростную работу. А тут-то и важно устранить дрожание. Иначе и резцы ломаться будут и деталь не получит чистой поверхности. Чистая поверхность — этого не только техника требует, этого и глаза требуют, чтоб радоваться на красоту, и руки, чтоб ощущать было приятно.

Геня вспомнил, какие у ребят получились занозистые стенки скворечен, и у него отпала охота хвалиться. Да и чем хвалиться? Скворечнями? Мать, конечно, скажет: «Вот и молодцы! Прилетят птички домой — и прямо в готовые квартиры». Но отец уж наверняка ей ответит: «Молодцы-то молодцы, да молодцам этим уже по тринадцатому году пошло». И придется Гене опять покраснеть.

Гриша Журбенко оказался парнем шустрым. Прошло немного времени, и в большой комнате школы установили верстаки, подала свой голос пила, застучали молотки, запел рубанок. Теперь новый вожатый был и руководителем столярного кружка.

Да, строгать досточку — не такое уже простое дело: в рубанок забивалась стружка, на досточке часто получались выщербинки. Иногда Гене казалось, что ему никогда не удастся овладеть этим инструментом. Но Журбенко терпеливо учил, насколько надо выдвигать железку, как ее затачивать, как направлять рубанок. Свои объяснения он сопровождал шуточками и прибауточками, весело играл при этом задорными карими глазами и вскидывал курчавый, желтый, как солома, чуб, назойливо спадавший ему на лоб.

— Ничего,— подбадривал он Геню,— поупражняешься, и будет рубанок ходить по доске, как по маслу.

Действительно, постепенно рубанок стал прилаживаться и если еще не ходил «как по маслу», то и не застревал безнадежно на сучках.

— А вот отец говорил, что на заводе у них есть станок, который сам строгает,— сказал однажды Геня.

— Есть, конечно. Фуговальный называется. Без него в массовом производстве не обойтись. Ну, а без умелости в руках тоже обойтись невозможно. Истинный столяр-модельщик существовал и всегда будет существовать наряду с машиной.— И Журбенко объяснил, что столяры-модельщики делают новые формы моделей, по которым отливаются металлические части все более и более совершенных машин.— А ты как думал? Если есть фуговальный станок, так можно и ручки в брючки заложить? Ого! Да столяр-модельщик любую машину переживет!

— А вы модельщик?

— Я модельщик. Но и фуговальным станком заправляю. Дай срок — и вас обучу на фуговальном работать.

Гриша Журбенко ходил с ребятами в театр и кино, устраивал сборы на местности, организовывал посадку деревьев — словом, делал все то, что делали и другие вожатые, но только в столярном кружке его выдумкам не было предела. Ребята и не заметили, как самым любимым запахом стал для них смолистый запах свежераспиленной сосновой доски.

Как-то Гриша сказал:

— А не сделать ли нам для пионерской комнаты деревянное зеркало?

— Де-ре-вянное?! — удивились ребята.

На другой день Гриша принес тонкий лист ореховой фанеры и несколько флаконов с какими-то жидкостями.

— Приступим,— сказал он.

Сначала ребята тщательно обстругивали рубанками и фуганками сосновую доску. Потом наклеили на нее фанеру и острым концом молотка долго притирали ее. Получив от Гриши металлические пластинки с отточенным жалом, ребята принялись очищать ими ореховую поверхность доски и делали это до тех пор, пока не вырисовалось строение дерева — перемежающиеся волнистые линии, то светло-желтые, то красновато-коричневые.

— Красота!.. — сказали ребята.

— Нет! — качнул Гриша головой.— Красота впереди.

Дерево терли наждачной бумагой, смачивали его водой, опять терли, опять смачивали. Наконец, поверхность стала гладкой и блестящей.

— Красота!.. — повторили ребята.

— Нет! — все так же ответил Гриша.— На поверхности остались мельчайшие, не замечаемые глазом поры.

И опять ребята принялись за работу. Они покрывали ореховую поверхность лаком, терли ее наждачной бумагой, вновь покрывали и вновь терли. Поры закрылись, а рисунок дерева благодаря бесцветности лака остался таким же ясным, как и прежде.

— Конец!—сказали ребята, с удовольствием глядя на доску, ставшую еще более гладкой и блестящей.

— Что вы, ребята! — усмехнулся Гриша.— Это только шлифовка. Настоящая работа — полировка — еще впереди. — Он взял вату, обернул ее в мягкую материю и полученный таким образом небольшой тампон смочил в жидкости.— Это политура, раствор органической смолы в спирте. Вот пройдемся раз пятьсот тампоном по каждой точке поверхности доски, тогда уже будет конец.

— Пятьсот раз?! — воскликнули ребята.

— А что, не хватит терпения? Ну, у кого нет выдержки, тот может хоть сейчас идти домой.

Уходить никто не захотел. Все жадно смотрели, как Гриша скользящими движениями руки ловко водил тампоном по поверхности доски. И было в этом круговом движении что-то такое мягкое и приятное, что каждому захо-

телось взять в руку тампон и самому проделывать такие же движения.

Постепенно, как бы отвечая на мягкую настойчивость руки, смягчался и блеск поверхности доски, переходя в приятный, уютный глянец. В то же время все отчетливее показывался рисунок орехового дерева, будто покрываясь тончайшим слоем чистой, как слеза, воды.

Последним полировал Геня. Он увидел в глянцевой поверхности свое лицо с родинкой на щеке и засмеялся от безотчетной радости.

«Зеркало» повесили в пионерской комнате.

Девочки подходили к этому чудесному «зеркалу» и поправляли банты в волосах.

С большим увлечением делали ребята для первомайской демонстрации деревянную модель своей школы. Когда с трибуны увидели у них на плечах знакомое всему городу здание школы, а в его окнах — классные доски, глобусы и парты с маленькими фигурками школьников, то все зааплодировали.

Казалось, больше всех должен был радоваться сам Гриша Журбенко, но он странно прищурился и, к удивлению Гени, произнес хорошо знакомые мальчику слова:

— Так-то оно так, да вам всем уже по тринадцати стукнуло!

Наступили летние каникулы. Теперь Геня и два его друга — непоседливый говорливый Леша Комаров и сосредоточенный, медлительный Миша Быков — могли полностью отдаться своему любимому занятию: ловить на живца красно-золотистых окуньков.

Однажды ребята шли по степи к блестевшей вдали речке Сарматке. Накануне вечером, чтоб кто-нибудь из троих не проспал, они собрались во дворе у Гени и там, на брезенте, под дремотно шелестевшей шелковицей, улеглись на ночевку. Звезды уже сжимались и пропадали в позеленевшем небе, когда проснулся Миша Быков. Он растолкал товарищей, и все трое, позевывая и подрагивая от утренней свежести, двинулись по улице еще спящего города к степи. Солнце, большущее, огненно-алое, выдвинулось из-за края земли и сразу позолотило все пшеничное поле. Зелеными лесными посадками оно было расчерчено на огромные прямоугольники. Подойдя к краю одного такого участка, ребята увидели, что пшеница на нем была уже скошена, но еще не убрана. Она тянулась длинными полосами, будто по прямоугольнику пролегли пухлые соломенные дороги. Вдали, чем-то гремя и потарахтывая, двигался комбайн. Приближаясь к ребятам, он все рос и все точнее обозначивался. И вот уже стало ясно видно, как железные пальцы подборника хватали валки пшеницы, клали на транспортер, а тот уносил их в огромную железную камеру. К комбайну подъезжали самосвалы, и в них через трубу, похожую на толстый хобот, сыпалось густой струей зерно.

Вдруг что-то затрещало, и комбайн остановился. Комбайнер, плотный, загорелый дочерна мужчина, спрыгнул на жнивье, глянул на транспортер и выругался.

— Поломались!.. Аж три сразу...— Он сердито огляделся и, заметив ребят, поманил их пальцем.— Хлопцы, умеете быстро бегать?

— Умеем,— нерешительно ответили все трое.

— Так гоните же вон до тех хаток, видите? — Комбайнер ткнул рукой в сторону, где белели вдали четыре домика.— Там скажите бригадиру, чтоб сейчас же принес три запасных планки. Покуда не принесет, комбайн, скажите ему, работать не будет. Хрустнули, поминай, как звали.

Ребята побежали к домикам.

— Живей, хлопцы, живей! — прокричал им вслед комбайнер.

Но они и без того бежали во весь дух. Леша, который даже на бегу пытался говорить, задохнулся и умолк.

Бригадира, давно не бритого толстяка в синей спецовке, они нашли в сарайчике, где тот яростно бил молотком по железной полосе. Выслушав ребят, толстяк покривился.

— Аж три сразу? А, нехай им бис!..— Он поднялся на скамейку и снял с полатей три узкие длинные дощечки с просверленными на концах дырочками.— Нате, несите. Да скажите ему, что это у меня последние, пусть больше не надеется.

Ребята схватили каждый по дощечке и побежали к комбайну.

Пока комбайнер прикреплял болтиками планки к полотну транспортера, подошел и бригадир.

— Угораздило ж тебя сразу три поломать! — сказал он сердито.

— Я их ломал? — так же сердито отозвался комбайнер.—Попала в транспортер жердь, вот и сломались. А кто ее сдуру сунул в валки, про то я знать не могу.

— Можешь или не можешь, а больше ты от меня планок не получишь. Завод у меня, что ли? Последние отдал.

— Последняя у попа жинка,— подмигнул комбайнер.— На то ты и бригадир, чтоб запасаться.

— Запасешься тут, когда РТС подводит. Обещались доставить в пятницу, а не показываются до сих пор. Заело у них там что-то.

— Совесть заело,— буркнул комбайнер, взбираясь опять на свое место.

Комбайн затарахтел, двинулся, железные пальцы подхватили пшеницу и отправили на транспортер. Бригадир смотрел вслед комбайну и скреб в бороде.

— А сколько вам нужно планок? — спросил Геня, многозначительно переглянувшись с ребятами.

— Что? — рассеянно отозвался бригадир, думая, видимо, о своем.

— Много вам нужно планок? Мы спрашиваем потому,— затараторил Леша,— что у нас в школе тоже есть мастерская. Да еще и какая! Сам Журбенко заправляет! А Журбенко — это такой столяр, что...

Круглое лицо бригадира оживилось:

— Как, как? Тоже есть, говорите, мастерская? И можете планки сделать?

— Фу, пустяк какой!— фыркнул Леша.—Тут и делать нечего! Распилил доску, прострогал...

— Подожди,— остановил его Геня.— Вовсе это не пустяк. Надо попробовать. Может, и сумеем.

— Сумеем,— коротко подтвердил Миша.

Бригадир так весь и подался к мальчикам.

— Ребятушки! Нам бы на первое время хоть три — четыре десятка. Пора-то какая! Пора-то горячая! Вы городские, что ли? Кто у вас там старший? Десятка три — четыре... Сможете, а? Главное, быстренько, а? Пора-то горячая...

Час спустя ребята, оставив в сарайчике у бригадира и удочки, и цибарку, и жестяную коробочку с червями, и котелок, в котором намеревались сварить уху, а захватив с собою лишь одну планку, на этот раз действительно последнюю, уже стучали в дверь дома на окраине города.

День был воскресный, Журбенко спокойно высыпался и, разбуженный стуком, вышел, зевая и потягиваясь. Но когда узнал, с чем прибежали к нему ребята, сразу оживился, оделся и отправился с ними в школу. Леша шел впереди и все повторял:

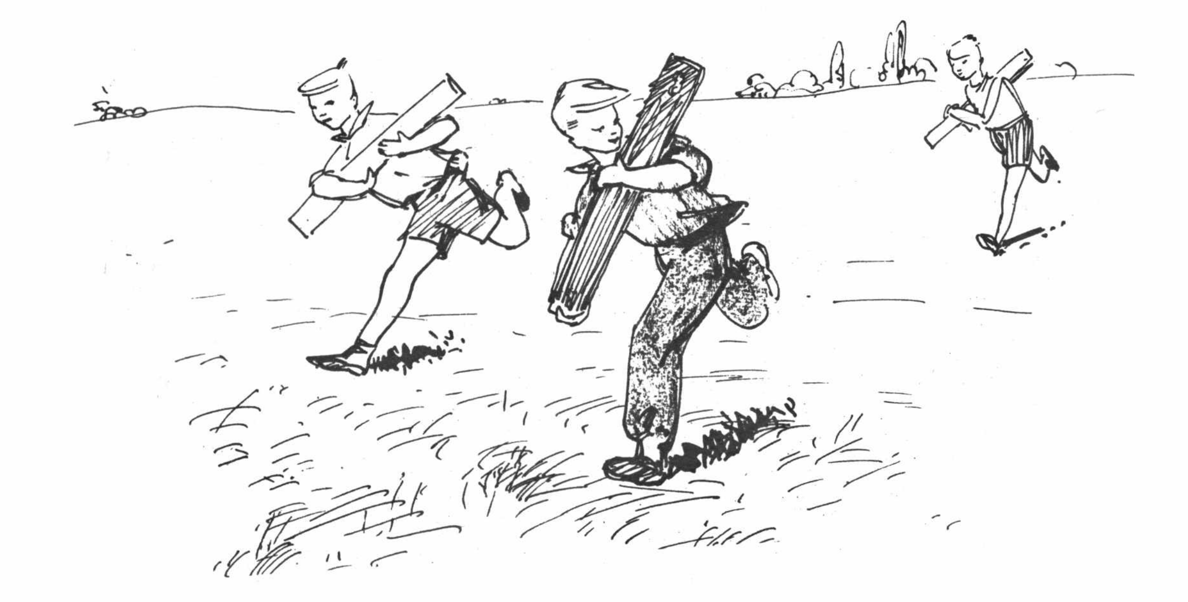
— Это я придумал, это я первый!

Миша, посапывая, шел молча. А Геня щурил глаз и чему-то улыбался.

— Так, так,— весело говорил Журбенко.— Очень неплохое начало. Очень!

Вечером, когда сели ужинать, мать с удивлением заметила, что у Гени, вернувшегося откуда-то с усталым, запыленным и потным лицом, вдруг поднялась и надломилась левая бровь.

— Да-а,— сказал он, глядя вбок,— достался сегодня орешек. Срочный заказ выполняли. На сорок планок для комбайна. Попотел Миша, пока строгал фаски. Леша тоже не дремал, когда сверлил отверстие для болтиков. Чи-истая поверхность! Не планки, а загляденье. Конечно, без механизации много не наделаешь. Ну, да завтра дело пойдет быстрей: завтра мы с Гришей Журбенко фуговальный установим...

Высокие огни

Юрий МЕЛЬНИКОВ

* * *

Не упрекайте нас, что слишком поздно
Мы выпускаем книжечки стихов.
Мы в девятнадцать защищали Грозный,
А в двадцать брали заново Ростов.

В поэзию сквозь фронтовые дали
Была дорога наша нелегка.
Сначала мы высоты штурмовали,
Потом уже теорию стиха.

* * *

Когда бывает тяжко временами
(Не все проходит гладко в наши дни),
Я вижу над родными деревнями
Высокие багровые огни.

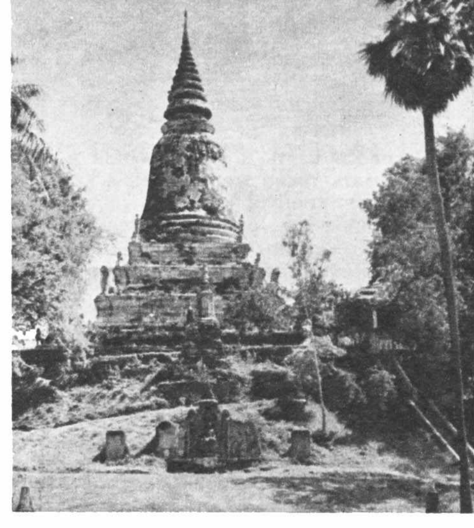
Был тот пожар со всей планеты виден,
А мы его залили не водой...
И мелочами кажутся обиды
Перед великой прошлою бедой.

Деревенская улица.

На рынке.

Гора Пном, где, по преданию, в XIV веке был заложен город Пном-Пень.

А. ГУРЬЕВ

Фото автора.

После работы.

Бескрайнее водное пространство с редкими пучками пальм и тонкими ниточками дорог — такой предстает с птичьего полета центральная часть Камбоджи. Кажется, трудно найти среди этой водной стихии место для посадки самолета. Равнины, покрытые высокими травами, густые заросли кустарников, леса — все это на два — три месяца исчезает под водой.

Но в противоположность многим странам, где наводнение — стихийное бедствие, здесь, напротив, оно горячо ожидаемая благодать. Пройдет несколько недель — и схлынут с рисовых полей обогатившие их наносными породами воды, войдут в свои берега Большое озеро и Меконг, другие реки и речушки, и лишь многочисленные наполненные до краев пруды и озера будут напоминать о недавнем паводке. Но и они довольно быстро понизятся в уровне, растрачивая свои воды на орошение близлежащих полей и высыхая под жгучими лучами тропического солнца.

Камбоджа — страна преимущественно крестьянская: единственный значительный город с населением около полумиллиона человек — столица Пном-Пень. Веками трудится камбоджийский крестьянин на своем рисовом поле, веками оставались неизменными орудия, которыми он обрабатывает землю. Обеспечить семью несколькими мешками риса на год — дело нелегкое, оно требует упорного, изнурительного труда. Не случайно крестьяне с малых лет учат детей своих чтить рис, а на народных праздниках и религиозных церемониях зерна риса служат символом благополучия и счастья. Рис преподносят молодоженам как лучший подарок; издревле кхмерские законы строго наказывали того, кто нанесет ущерб рисовому полю.

Невелик клочок земли, который кормит камбоджийского крестьянина: от половины до двух — четырех га — все, что может осилить семья при помощи своих примитивных орудий. Тяжелое наследие оставил в деревнях Камбоджи колониальный период.

Во времена французского протектората крестьянам было не до расширения обрабатываемых земель; наоборот, они сокращали их. Если крестьянин хотел продать своих быков, он уводил их в дальний район, продавал там, а вернувшись домой, рассказывал всяческие истории, чтобы продажа прошла незамеченной и никто не узнал, что у него есть деньги.

Колониальные чиновники изощрялись в придумывании все новых и новых налогов. Дело дошло до того, что податью облагались домашние крестьянские очаги, в которых в виде топлива использовался рыбий жир. Боясь потерять последние гроши, запуганные крестьяне переставали совсем пользоваться очагом и готовили пищу на таганчиках.

Шесть лет живет Камбоджа как независимое и нейтральное государство, снискавшее уважение и симпатию народов своей миролюбивой политикой, основанной на бандунгских принципах мирного сосуществования. Национальное правительство много усилий направляет на то, чтобы одолеть исконного врага — засуху. Два года тому назад оно начало осуществлять так называемую «политику воды». В успехе этого большого начинания заинтересованы самые широкие массы крестьянства. Многие деревни, насчитывающие полтора — два десятка дворов, собственными силами возводят небольшие плотины для задержания дождевой воды, копают пруды, колодцы. Государство помогает строительными материалами, оказывает финансовую поддержку. Работники государственного аппарата, начиная от мелких служащих и кончая министрами, армия, учащиеся работают на строительстве плотин, прудов, дорог, школ и т. д. Основные объекты — три больших плотины — стали своеобразными «народными стройками» страны.

Автору этих строк довелось побывать на одной из строек. Среди пальмовой рощицы раскинулись палатки и дощатые бараки солдат и прибывших из столицы государственных служащих. Здесь предстояло возвести плотину длиной в несколько километров. С раннего утра сотни людей с мотыгами и носилками в руках принялись за работу. Вскоре к ним на помощь подошли крестьяне из близлежащих деревень. Разбившись на бригады, люди под палящими лучами солнца долбили твердую, как камень, землю, насыпали ее в корзины и на носилки, оттаскивали в сторону.

Но не только порывом к созданию здоровой национальной экономики отмечены большие перемены на древней земле Камбоджи. Меняются сами люди: расширяется их кругозор, открытыми глазами смотрят они теперь на окружающий их мир.

Бывая в деревне, я иногда заходил в крестьянские хижины. Для гостя тотчас находилась чашка белого риса и кружка пальмового вина или сок кокосового ореха. И какой радостью светились глаза крестьянина, когда он слышал, что пришедший иностранец объясняется с ним на его родном языке. Один престарелый крестьянин-кхмер, узнав, что я изучаю кхмерский язык, горячо пожал мне руку и взволнованно и долго благодарил меня. Лишь впоследствии, ближе познакомившись с кхмерским народом, его историей, характером и традициями, я по-настоящему понял старика и причину его глубокой взволнованности.

Почти сто лет длилось колониальное иго. Попиралось национальное достоинство кхмерского народа, искоренялись его национальные традиции. Народу внушалась мысль о его неспособности к творческому, созидательному труду. Из древней культуры народа выхолащивался национальный дух. Чахли и вымирали искусства, которыми некогда славилась Камбоджа.

Поэтому теперь кхмеры особенно чутки к доброжелательному вниманию и уважению иностранцев к их национальной культуре и традициям.

Древними национальными традициями проникнуты кхмерские праздники. Некоторые из них связаны с циклом сельскохозяйственных работ в стране. Таков, например, праздник первой борозды, символизирующий начало обработки земли под посевы риса.

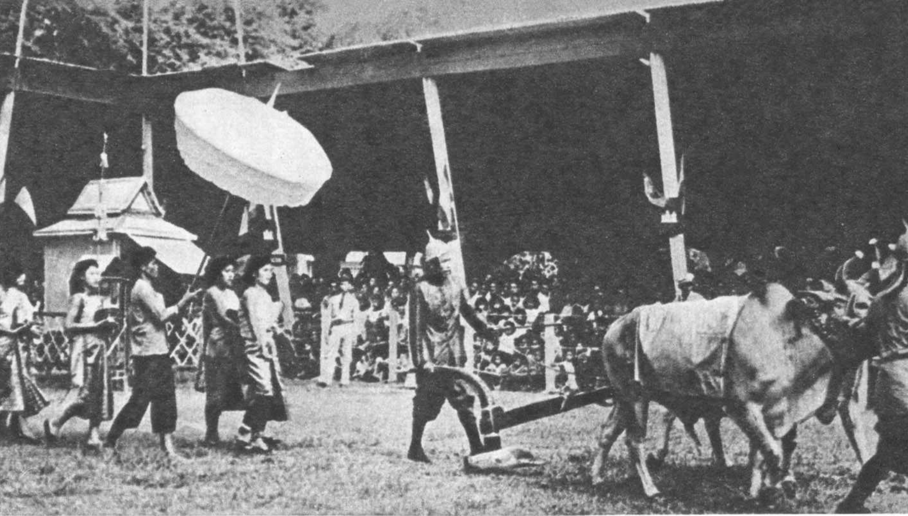
...Веселый гомон стоит над толпой, окружившей большую площадь близ королевского дворца в Пном-Пене. На такого рода церемониях бывает всегда исключительно многолюдно. Представители высших органов власти в одном крыле трибуны и дипкорпус в другом уже в полном сборе. Церемония начинается: по большому кольцу площади движутся три пары быков, прокладывающие первую, священную борозду. По преданию, когда-то сам король шел за плугом, а королева шла позади и разбрасывала семена риса. Теперь это делают символические король и королева. Трижды обходят быки площадь. Затем быков распрягают и подводят к серебряным блюдам. В одном из них — вода, на другом — трава, на остальных — рис, кукуруза, фасоль, сезам. В зависимости от того, какому блюду быки отдадут предпочтение, делаются прогнозы на урожай в предстоящем году. Но в этой церемонии меньше всего осталось суеверия. Смех раздается в народе, когда бык, несмотря на настойчивые усилия служителя, упорно отказывается оторваться от блюда с травой...

Завтра Камбоджи — это ее подрастающее поколение, ее молодые кадры интеллигенции. Колонизаторы не только не заботились о создании таких кадров, но сознательно тормозили их подготовку.

Примером могут служить принадлежащие до сих пор иностран-

Два месяца тому назад здесь проходили крестьянские повозки. На время паводка их заменяют лодки.

Праздник первой борозды.

цам богатейшие каучуковые плантации, расположенные на плодородных красных землях. До последнего времени кхмеру нечего было и думать попасть туда на работу в качестве специалиста. Единственный кхмерский инженер на заводе по переработке каучука рассказывал, с каким великим трудом удалось ему попасть сюда. Но два года тому назад в Камбодже был принят закон об обязательных 70 процентах национальной рабочей силы на иностранных предприятиях. Правительство закладывает одновременно основы национального производства каучука: уже создана первая каучуковая плантация с преимущественным участием государственного капитала.

В Камбодже понимают, что без подлинной экономической независимости политическая независимость остается призрачной. Правительство заботится о создании государственного сектора в промышленности и в сельском хозяйстве, о развитии кооперативов.

Медленно вертит педали велорикша — типичная фигура пном-пеньских улиц. Гуськом, не поднимая глаз, прячась под большими белыми грибами зонтов, идут бонзы. Проплывают автомашины всех марок мира. Но почему движение на центральной улице Пном-Пеня остановилось? Это в школе кончились занятия, и широкий поток школьников хлынул через улицу.

Молодежь Камбоджи тянется к знаниям, к культуре. Нужно было видеть, с каким восторгом школьники Пном-Пеня встретили запуск модели самолета с моторчиком на открытии технических мастерских одного из колледжей города. Оборудование этих мастерских подарили пном-пеньским школьникам московские пионеры.

— Мы сами будем делать такие модели, а придет день — и настоящие самолеты,— говорили ребята.

На смену традиционному обучению детей в пагодах приходит государственная школа. Сейчас в Камбодже учится каждый восьмой

внимание уделяется изучению географии, истории, культуры страны. Детям с раннего возраста прививают любовь к физическому труду.

Печатное слово начинает проникать в самые отдаленные уголки страны. Однажды я заметил в одной из хижин несколько книжек. Я спросил хозяина, все ли члены его семьи могут читать.

— Наши дети стали грамотнее нас,— отвечает старый кхмер.— Я сам читаю с трудом, когда-то научившись грамоте у бонзы. Моя жена вовсе не знает грамоты. Недавно в деревне мы построили школу, куда ходят учиться все наши дети.

Еще несколько лет назад даже в столице многие камбоджийцы имели очень отдаленное представление о Советской стране. Сейчас на полках читального зала Национальной библиотеки, в книжных киосках можно найти и советскую периодику: «Московские новости», «Советский Союз», «Советскую женщину». На экранах

Ангкор-Ват — один из главных храмов Ангкора, древней столицы Камбоджи. Силуэт башен Ангкор-Вата служит государственной эмблемой Камбоджи.

Строящиеся с помощью народного Китая цементный и фанерный заводы, текстильная и писчебумажная фабрики, небольшой металлургический завод станут государственными предприятиями.

...Дрожит раскаленное марево над столицей Камбоджи. Прохожие прячутся в тени деревьев.

человек. Правда, школьные занятия проводятся в тех же пайотах, хижинах из соломы и пальмовых листьев, а в школах еще не хватает учебников, оборудования, мало преподавателей. С недавнего времени преподавание во всех классах средней школы ведется на кхмерском языке. Большое

идут советские кинокартины. Всеобщее внимание привлек фестиваль советских фильмов. На картины «Летят журавли» и «Первые советские спутники Земли» было невозможно достать билеты. Камбоджийцам уже давно приелись наводняющие кинорынок американские «боевики». Правительство

Камбоджи было вынуждено принять меры против тлетворного влияния этих фильмов на подрастающее поколение. Специальным декретом на территории Камбоджи запрещена демонстрация «ковбойских» фильмов, а также детективов, смакующих технику преступлений.

Полна превратностей судьба небольшого кхмерского народа. Не раз с оружием в руках приходилось ему отстаивать свое право на независимое существование. В годы протектората по стране неоднократно прокатывались народные выступления против колонизаторов. Ценой долгой и упорной борьбы добился камбоджийский народ национальной независимости. И теперь он оберегает ее как самое святое, что имеет.

В начале 1959 года камбоджийскому народу вновь пришлось выступить в защиту национальной независимости своей страны. Империалистические круги стран — членов СЕАТО организовали в стране заговор против правительства и проводимой им политики нейтралитета. «Цепные псы империализма»,— так заклеймил народ Камбоджи Сам Сари и Дап Чхуна, возглавивших заговор. О связях заговорщиков с заграницей, а также о прямом участии Южного Вьетнама свидетельствовали вещественные доказательства, захваченные камбоджийской армией на вилле у одного из главарей заговорщиков. Кроме вооружения, радиопередатчиков и другого военного материала, у заговорщиков было захвачено несколько слитков золота общим весом в 270 килограммов. Это золото, переданное из-за границы врагам камбоджийского народа для ведения подрывной деятельности, решено использовать на нужды создающегося в Пном-Пене национального университета.

В своих интригах против молодого независимого государства враги камбоджийского народа не брезгуют ничем. В страну засылаются террористы, подготовленные в лагерях Южного Вьетнама. С чувством возмущения узнала недавно мировая общественность о попытке покушения на короля и королеву Камбоджи. Но никакое коварство, никакие гнусные приемы не могут запугать камбоджийский народ! Пользуясь поддержкой всех миролюбивых народов мира, он уверенно смотрит в свое будущее.

...Многое необычно для нас в Камбодже — и нравы, и климат, и даже небо с Южным Крестом и высоко задранной в тех широтах ручкой ковша Большой Медведицы. Но в наше время разные широты — это не препятствие для дружбы.

ЧИТАТЕЛЬ ВЕДЕТ РАЗГОВОР

См. начало на 17-й стр.

«Я» и «мы»

Иногда гордость путают с упрямством. Вот об этом я и хочу рассказать.

Моя подруга, с которой мы вместе жили, трудились, всегда считалась хорошей работницей, ее портрет часто висел на доске почета. Правда, Нина — ее так зовут — всегда была немножко грубовата, особенно с парнями, но никто никогда не делал ей замечаний. Больше того, все говорили: «Нина гордая, к ней так просто не подойдешь». Я тоже так думала.

Но вот Нина вышла замуж и сказала, что с первых же дней ни в чем не поддастся мужу, иначе он «всю жизнь будет ездить». Меня удивили ее слова, я стала приглядываться, что же под ними кроется. И вот что увидела.

По всякому пустяку Нина начинала сердиться на мужа, делать вид, что не замечает его, словно он и не существует. Она умудрилась три дня дуться на него только за то, что он, идя с работы, взял билеты в кино. «Я тебя об этом не просила»,— заявила Нина.

Я попыталась поговорить с подругой, но разговор не получился. Она сказала мне, что считает унизительным для себя подавать завтрак или готовить обед, что она никогда этого не будет делать. (Между прочим, она в это время уже не работала на заводе.)

— Значит, по-твоему, я унижаюсь перед мужем? — спросила я ее.— А мне, например, всегда доставляет радость вкусно приготовить, накрыть стол чистой скатертью, убрать к его приходу. И сколько доставляет радости, когда муж говорит: «Спасибо, как вкусно, как хорошо ты все сделала»! А потом мы вместе моем посуду, убираем. Что ж, по-твоему, это унижение?

Нина только фыркнула в ответ и не захотела продолжать разговор. А мне так хотелось, чтобы подруга поняла меня! Ведь должно же быть уважение к любимому человеку, желание доставить ему радость! Да и может ли гордая женщина любить мужа, если сама его во всем унижает? По-моему, с той минуты, как образуется семья, слово «я» как-то выпадает из обращения, вместо него особую силу приобретает слово «мы». А Нина все по-прежнему говорила: «Я сказала», «Я сделала», «Я решила».

Стоит ли удивляться тому, что, не просуществовав и года, эта семья распалась! Муж не захотел видеть вечно злое, недовольное лицо жены. Можно было бы на этом и кончить рассказ, да вот беда: он любит ее, ждет, что она придет и скажет: «Как я была глупа! Ведь я тоже хочу, чтобы в семье была радость и веселье». Но Нина гордая, она не идет. Плачет в темном уголке, а на людях гром и молнии мечет, говорит: «Он мне не нужен, я ненавижу его, не прощу!» Иногда мне хочется сказать ей попросту: «Да сбрось ты с себя эту дурью маску! Забудь ты о своем ложном самолюбии!»

У Нины будет ребенок, и я не могу спокойно смотреть, что так все у них случилось. Пыталась помирить их, уговаривала:

— Начните жизнь сначала.

А он мне ответил на мои увещевания:

— Пойми, я хотел, чтоб мы были всем друг для друга. Ведь мы живем только первый год. А вместо этого злоба, игра в молчанку...

Иногда я думаю: «Может быть, Нина просто не любит мужа?» Но тогда надо сказать об этом честно, без громких слов «ненавижу», «не прощу» и прочее.

Я знаю, что если Нина прочтет мое письмо в «Огоньке», то она даже вдумываться не станет, а просто рассердится: гордая! Как это я ее «унизила» перед людьми! Поэтому Вы лучше не указывайте ни моей, ни ее фамилии. Пусть она думает, что это о ком-то другом... Может быть, тогда она сумеет увидеть себя со стороны.

Л. К.

Так ли проявляется любовь!

Нередко можно слышать, как осуждают людей, которые, прожив десять лет вместе, вдруг расходятся. Но я этому не удивляюсь. Да, можно много лет промучиться и, не найдя общего языка, расстаться.

Мне тридцать четыре года. Я замужем двенадцать лет, у нас двое детей. И вот с первых дней жизнь не ладится. Без всяких причин, без всякого повода муж ревнует меня и подозревает бог знает в чем. Я работаю в клубе, около меня все время и молодые люди, и взрослые, и девчата, и парни. Вы представляете себе работу библиотекаря? Я должна побеседовать с читателем, порекомендовать ему книгу, узнать, что нравится, что хочет прочесть. Какая прекрасная эта работа! Но она мне в тягость. Я каждую минуту оглядываюсь: а не вошел ли случаем муж?.. Было как-то так, что он вошел, когда несколько читателей стояли подле книжных полок и выбирали книги. Дома он ругал меня: «Это неспроста ты им разрешила подойти к полкам! Особенно тому длинному! Другим, небось, не разрешаешь!».

До этого я работала табельщицей в механической мастерской, но он потребовал, чтобы я ушла оттуда: там, по его мнению, слишком много мужчин. Поступила кассиршей — и опять он потребовал, чтобы я ушла. «Стоят, разговаривают, нечего тебе там делать...»

Сколько раз, пьяный, он наговаривал детям на меня. Говорил: «Мать хочет бросить нас, она гуляет». Стыдно слушать! А дети ведь этого не понимают. Старшему десять лет, младшему шесть. Они со слезами слушают отца. Так уродуется жизнь мальчиков.

Если я иду в кино — а муж не любит ходить в кино,— он ни за что не пустит меня одну, посылает сына. «Шурик, смотри за матерью! Смотри, чтобы она села с тетеньками, а не садилась рядом с дяденьками!». Если же идет картина, на которую детей не пускают, он велит сыну ждать меня у выхода, чтобы посмотреть, с кем я была.

И все это, по мнению мужа, любовь! Он все время мне твердит: «Если б я не любил, то и не ревновал бы».

Не хочется даже вспоминать всего, что было. Помню, как я хотела участвовать в кружке художественной самодеятельности, а он устроил мне из-за этого такой скандал, что весь поселок на другой день узнал о случившемся. Одни смеялись над ним, а другие говорили: «Подумаешь, какая артистка нашлась: муж не разрешает, а она идет, не слушается».

Поселок у нас маленький. Живем мы в общежитии. В коридоре десять семей, и не укроешь от людей того, что происходит в нашей семье. А кому приятно стать «притчей во языцех»!

Вот я смотрю на свою жизнь и думаю: «Почему я должна жить, словно при домострое?.. Как это унизительно!»

Галина Семенова

Поздний разговор

Выйдя из госпиталя, я повстречался с девушкой, которая была намного моложе меня. Мы полюбили друг друга. Поженились. И в первый же год семейной жизни начались раздоры из-за обеда, денег, покупок, гостей. Спорили и обижались друг на друга из-за всякой мелочи. Уступать друг другу не хотели — гордые!— а добрых людей, которые могли бы нас уму-разуму научить, поблизости не оказалось. В редкие дни «просветления» мы пытались договориться, однако тут же переходили на упреки в неуважении, и все кончалось женскими слезами и табачным дымом.

Однажды я попал в больницу. Накануне я с женой поссорился из-за какой-то ерунды, которую даже трудно вспомнить. Жена заявила, что не может жить со мной. Я ответил тем же.

В больнице после операции я тщетно ожидал жену с передачей. Она решила мне отомстить и нарочно не приходила к больному, хоть ей и хотелось это сделать. Обиженный, огорченный, я назло ей стал оказывать внимание девушке-врачу. Решил досадить жене. А она, узнав об этом, ушла из квартиры. Началось с мелочей, а кончилось вот чем...

Более двух лет мы жили врозь. Наконец жена вернулась ко мне. Но пришла уже поздно. Я женился на другой.

Объяснение наше было грустное. Ведь мы очень любили друг друга, все время думали один о другом, и за все эти годы только один раз, и то в последний, поговорили по-настоящему, поняли свои ошибки.

Да, я согласен, что в семейной жизни, в любви нужно сохранять гордость. Но там, где дело идет в общем-то о безобидных привычках любимого человека, о его самых простых желаниях, необходима уступчивость.

С. Владимиров

В ГОСТЯХ У СЕВЕРЯН

Павел КУСТОВ

* * *

Ой, дотошны северяне!
В зиму бродят, не лежат,
Запрягают лося в сани,
Приручают медвежат.

С топором дружны от века.
Чтобы выручить казну,
По смолистым лесосекам
Валят красную сосну.

И не бо́язно в морозы
Им, привыкшим искони.
А весною сок березы
Пьют стаканами они.

Ветром северным овеян,
Каждый в деле с детства рьян.
Нет на свете здоровее
Этих самых северян!

* * *

Набегают с поля снега змейки,
Но ничем не задержать весну...
Сельский плотник в ватной
телогрейке
Сына обучает ремеслу.

Скоро уж с отца он будет ростом
И придет на смену старикам.
Топором владеть не так-то просто,
Тут и голова нужна к рукам.

Бревна пахнут свежею смолою.
Долетает шум весны во двор.
И перекликаются с пилою
И рубанок жадный и топор.

Сердцу молодому все открыто.
Жизнь полна дерзаний и красы.
...Бьет капель по мерзлому
корыту,
Словно рядом тикают часы.

* * *

От стада отбился теленок:
Уж больно зудят комары.
И вот он на травах зеленых
Гуляет до поздней поры.

Чудесное дело — свобода!
Пастушьим кнутом не стеснен,
Пощиплет муравку и в воду
Потычется мордочкой он.

Бычок народился недавно,
И мало хоть в жизни видал,
А все ж, рассердившись,
исправно
С утра пастушонка бодал.

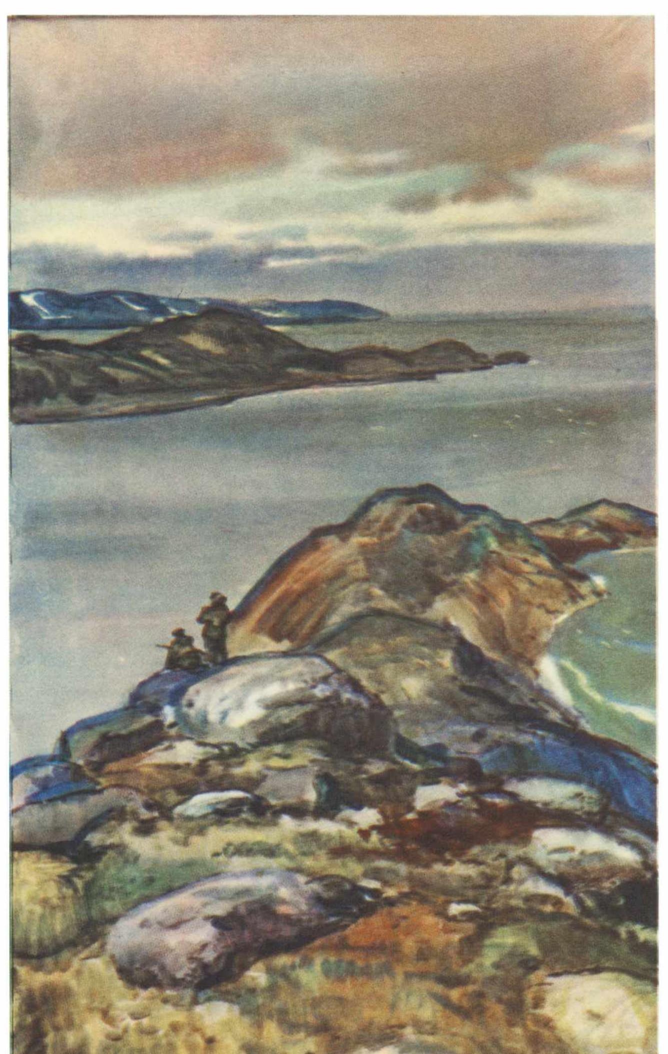
Растет пополненье что надо.
Постойте, вот будут рога —
И он уже целое стадо
Один поведет на луга.

Зовут его Васенькой, Васькой
И гладят по шерсти пока.
Но время придет—и с опаской
Все будут глядеть на быка.

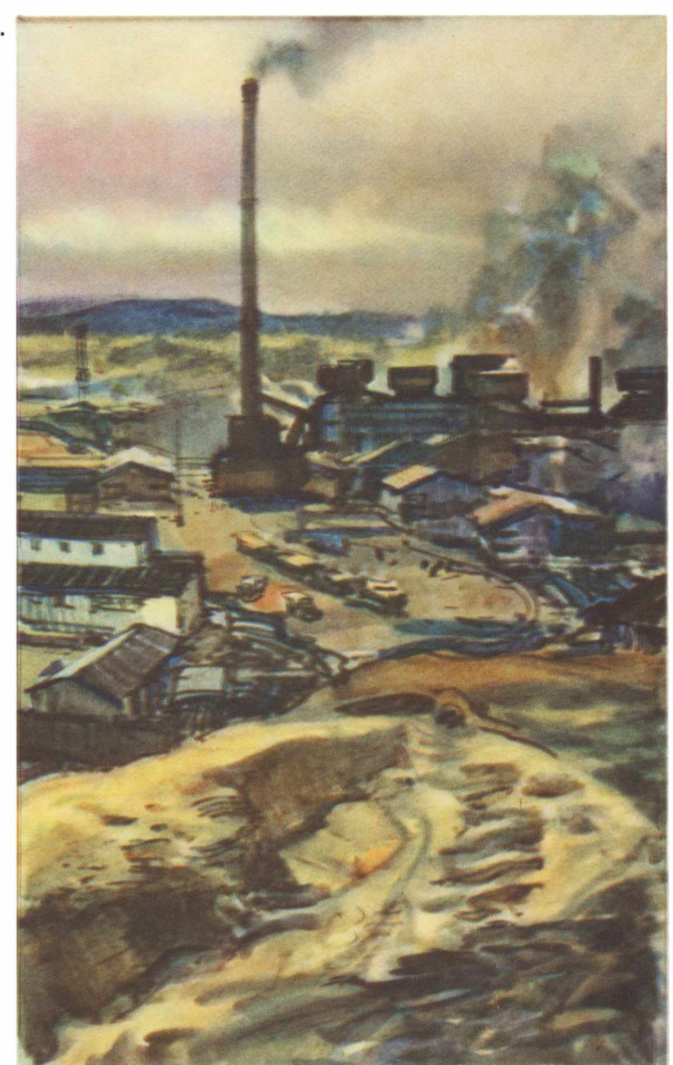
...Мне скажут: — Стишок
не удался.
Уж тема-то больно мелка.
Наверно, поэт исписался,
Коль начал писать про телка.

Что сделаешь против натуры!
Пускай я не буду в чести,
А хочется в литературу
Мне сельщины больше ввести.

Да будут в почете вовеки
Два слова: посев и отел!
И хлынут молочные реки
Из наших совхозов и сел.

В. В. Богаткин. ЗАПОЛЯРЬЕ.
Триптих.

С ВЫСТАВКИ АКВАРЕЛЕЙ И КЕРАМИКИ. Москва.

В. Н. Сигорский. НА БУЛЬВАРЕ.

А. И. Пархоменко. МАРСЕЛЬ.

Писатели и книги

Люди с открытым сердцем

Книга называется «Любимые товарищи». Уже в самом заглавии этом есть что-то от суровой нежности солдата, в дни войны тосковавшего по голубому, мирному небу.

Здесь собраны рассказы за четверть века работы Вадима Кожевникова в литературе. Впервые появилась возможность так полно познакомиться с творчеством Кожевникова - новеллиста. Своеобразного, не похожего на других.

Подчеркнутая обыденность ситуации. Подчеркнутая простота слова. Все подчинено тому, чтобы резче выявить мужественные человеческие характеры, выявить скупыми художественными средствами. И лишь очень редко прорывается в рассказах — в кульминационные моменты — прямое авторское отношение, с трудом сдерживаемое волнение.

Есть в книге маленький, трехстраничный рассказ «Я вижу», помеченный 1943 годом,— о минере Туркине, который до войны был скрипачом и добровольно пошел на фронт телефонистом, хотя был слеп. В дни войны в военном госпитале ему сделали операцию, и Туркин прозрел. Телефонист стал первоклассным минером.

Конечно, прозреть только для того, чтобы увидеть войну,— это страшно. Но — удивительное дело! — начнет он с бойцами говорить, «чудно как-то получается, словно сказку какую красивую рассказывает. А в сущности, про обыкновенные вещи говорит». Первый раз в жизни увидеть рассвет в лесу или сверкающую на солнце крупную снежинку — сколько здесь радости для человека, видящего впервые!

Вот эта обостренность писательского восприятия характерна для Кожевникова-новеллиста.

В довоенных рассказах, таких, например, как «Лунная ночь», написанный двадцатипятилетним Кожевниковым, еще чувствуется порой некоторая словесная стесненность. С годами пришла свобода обращения со словом, непринужденное владение интонацией. Уже в превосходном рассказе «У лошадей был праздник», помеченном 1937 годом, Вадим Кожевников нашел свою манеру сдержанного описания. История старого колхозного конюха Остапа, не пожелавшего портить лошадям день отдыха и отправившегося пешком в грязь и топь за десяток километров с донесением в политотдел, волнует своей непритязательной правдой.

Много рассказов создал Вадим Кожевников за четверть века. Постепенно оттачивался язык, обогащалась речевая интонация, но писатель по-прежнему лучшие душевные силы отдавал изображению своего современника-труженика.

Десятки скромных, хороших людей — людей с открытым сердцем — живут в рассказах Вадима Кожевникова. Всем своим творчеством он обращается прямо к этим людям, к своим «любимым товарищам».

В. ВОРОНОВ

Вадим Кожевников. ЛЮБИМЫЕ ТОВАРИЩИ. Рассказы. Изд-во «Советский писатель». Москва. 1959. 659 стр.

ИВАНУШКА-УМНИК

Алексей Николаевич Толстой сделал крупный вклад в освоение сказочных богатств русских. Кристаллизация текста, воссоздание вариантов, близких к социальной сказочной первооснове, — этот замысел Алексей Толстой выполнил только частично: преждевременная смерть прервала его работу над созданием сказочного свода. Группа писателей, в которую входили Павел Бажов, Михаил Пришвин, Андрей Платонов и Александр Нечаев, решила продолжить толстовский труд. Руководство группой взял на себя замечательный наш писатель Михаил Шолохов. Часть сказок, преимущественно относящихся к циклу «Иванушки-дурачка», недавно издана Детгизом под названием подлинно народным: «Иван меньшой — разумом большой».

Точно найденный заголовок определяет сущность сборника.

Ведь «Иванушка-дурачок» — дурень не простой, он из тех, кто себе на уме, дураком прикидывается, а на деле любого умника перемудрит.

В сюжетах, пересказанных Александром Нечаевым, Иван меньшой предстает перед читателем не как юродивый баловень судьбы, а как веселый русский богатырь, верный в дружбе, бесстрашный в битве, до последней капли крови преданный Родине и народу.

Особенно интересны пересказанные Нечаевым сказки «Мудрая жена», «Иван, вдовий сын», «Солдат и смерть», «Скатерть-самобранка». Сюжеты этих известных сказок, очищенные от вульгаризаторской шелухи и посторонних, затемняющих смысл наслоений, зазвучали с необычайной свежестью. Словно протерли старую, запыленную картину, и вновь засверкал неповторимый в своем обаянии и дорогой каждому россиянину чудесный мир русской сказки. Особенно отчетливо проявляются в пересказах Нечаева свободолюбивые и миролюбивые тенденции нашего фольклора.

Борис ПРИВАЛОВ

ИВАН МЕНЬШОЙ — РАЗУМОМ БОЛЬШОЙ. Русские сказки. Пересказал А. Нечаев. Под общей редакцией Мих. Шолохова. Детгиз. Москва. 1959. 254 стр.

Первоклассники приветствовали победителей. Фото А. Бочинина.

ПОСТОЯННЫЕ ВЛАДЕЛЬЦЫ КУБКА

Два года продолжается конкурс на кубок «Огонька» среди физкультурных коллективов московских школ. Основная задача его — привлечь внимание школьников к занятиям легкой атлетикой, которая имеет решающее значение для общего физического развития детей и юношей.

По условиям конкурса пять школ — претендентов на кубок — выявляются в итоге городских легкоатлетических состязаний лучших коллективов всех районов Москвы. Кроме того, условия требуют хорошей, систематической работы легкоатлетической школьной секции, подготовки разрядников и значкистов ГТО и БГТО, требуют спортивной самодеятельности, наглядной агитации и т. д.

Всем этим требованиям в 1958 году отвечал коллектив школы № 387 Сокольнического района.

Прошел год. Вновь шли отборочные соревнования в районах, а затем на общегородских состязаниях. В 1959 году претендентами на кубок «Огонька» оказались, помимо школы № 387, школа № 485 (Ждановского района), № 75 (Киевского района), № 615 (Куйбышевского района) и № 585 (Ленинского района).

По всем показателям условий конкурса жюри вновь присудило кубок «Огонька» школе № 387 (директор Е. А. Жердина, преподаватели физкультуры В. С. Дрючин и Л. М. Федоров).

Так как эта школа второй год подряд выходит победительницей конкурса, кубок «Огонька» навсегда передан ей.

Физкультурным коллективам школ №№ 485, 75, 615 и 585 будут вручены памятные вымпелы.

Не случайно пришел успех к юным спортсменам из Сокольников. Вот уже несколько лет в школе хорошо поставлена работа в самой массовой из секций— легкоатлетической. В этом заслуга и директора школы Екатерины Андреевны Жердиной и преподавателя по физическому воспитанию Василия Степановича Дрючина. Их стараниями был создан дружный, хороший коллектив, который радовался победам и не падал духом при неудачах.

Несколько лет назад юные спортсмены 387-й школы заняли лишь седьмое место в своем районе. Спустя год воспитанники Дрючина «перебрались» на третье место, а затем и на первое, которое дало им право выхода на «большую школьную арену» — на общемосковские соревнования по легкой атлетике. Это совпало с учреждением конкурса на кубок «Огонька».

Отныне лучшие школы всех районов столицы не только оспаривали звание чемпионов Москвы в беге, прыжках и метаниях, не только подсчитывали очки победителей, но и стремились всей командой занять одно из первых пяти мест, чтобы стать претендентом на кубок.

В прошлом году в школу пришел новый преподаватель по физическому воспитанию, Леонид Михайлович Федоров. Он получил хорошо подготовленный коллектив и повел его к новым школьным рекордам, к новым достижениям в районе, да и на московских состязаниях.

Прошлым летом советские олимпийские чемпионы учредили кубок за лучшую постановку физического воспитания в школе, и вновь на первое место вышла 387-я школа Сокольнического района. Динамовский вратарь Лев Яшин вручил кубок юным физкультурникам.

Школа воспитала таких спортсменов, как Оля Корсунская, Володя Попков, Рафик Шарафутдинов, Нина Климкина.

В книге почета школьных спортсменов — портреты Лиды Корчагиной, Гали Нектаровой, Коли Биткова и других.

А как успеваемость у школьных чемпионов?

Как правило, спортсмены учатся хорошо и отлично.

Екатерина Андреевна Жердина не раз говорила о том, что физкультура и спорт помогли повысить успеваемость. И это еще раз было подчеркнуто на торжественном вечере, посвященном передаче кубка «Огонька» навсегда школе № 387.

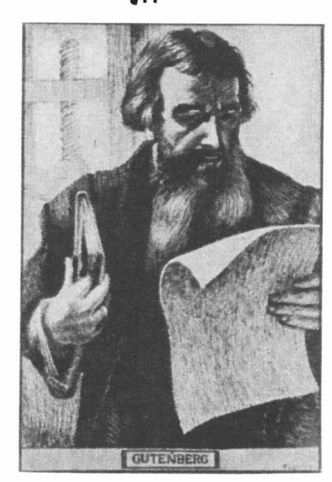
В предновогодние дни в красиво убранном актовом зале было людно. Здесь собрались юные спортсмены, преподаватели, родители. Непрерывно раздавались дружные аплодисменты. Зал особенно рукоплескал, когда заслуженный мастер спорта Николай Каракулов, передавая кубок «Огонька», произнес слово «навсегда». Школьников приветствовали первый секретарь Сокольнического райкома партии т. Анашин, зам. зав. Мосгороно тов. Панфилов. Были вручены призы: копья, диски, комплекты спортивной формы с вышитым на груди словом «Огонек». Юные владельцы кубка читали стихи, пели.

Конкурс продолжается. Вновь нужно готовиться к весенним, а затем летним состязаниям, оспаривать почетное право стать одним из пяти претендентов на новый кубок журнала «Огонек».

Пусть это будет стимулом для улучшения спортивной работы в школе, для укрепления здоровья школьников.

ВОКРУГ НАС

Подарок немецкого художника

В Лейпциге на немецком языке издана книга советской писательницы Ольги Слезкиной «Оловянная рука». Увлекательный исторический роман посвящен изобретателю книгопечатания в Европе Иоганну Гутенбергу. Это изобретение было революцией в истории культуры.

На родине изобретателя роман О. Слезкиной получил высокую оценку. «Наряду с потрясающей историей жизни Гутенберга Ольга Слезкина изобразила картину того времени. Ярко нарисованы характеры людей»,— говорили по берлинскому радио в одной из передач «Мы рекомендуем эту книгу».

Известный немецкий художник Пауль Вагнер, много лет занимавшийся историей книгопечатания, посвятил Ольге Слезкиной в знак признательности свою новую работу — портрет Гутенберга. Этот портрет он создал, собрав всевозможные свидетельства, старинные гравюры, рисунки, документы, посвященные изобретателю книгопечатания.

В. ТУЛОВ

Встреча под водой

Своеобразный юбилей отметил недавно водолаз Юрий Тимофеев — пять тысяч часов под водой.

Шестнадцать лет назад он впервые опустился под воду и с той поры успел побывать в районах Тикси, Диксона, Новосибирских островов, Новой Земли, мыса Челюскина. Теперь Тимофеев работает на Шпицбергене. В ледяной воде Айс-фьорда он обследует подводные части кораблей, устраняет повреждения корпусов, полученные во льдах, участвует в подъеме затонувших барж.

Немало приключений было у водолаза за эти годы. Вот что рассказывает он о недавней встрече под водой во время ремонта корпуса корабля в Баренцбургском порту:

— Напеваю себе что-то под нос и ремонтирую потихоньку подводную часть корабля. Вдруг чувствую мягкий удар по голове.

Медленно поворачиваюсь, медленно потому, что в водолазном костюме быстро не повернешься. Вижу, как от меня неторопливо удаляется продолговатая тень. «Наверное, это полузатонувшее бревно»,— думаю.

Снова начинаю трудиться. Но опять какой-то осторожный удар по плечу отвлекает меня.

И тут наконец, присмотревшись, замечаю: то, что показалось мне бревном, как бы извивается, поворачивается, движется на меня.

«Нерпа!» — мелькнула догадка.

Нерпа жадно глотала планктон — множество крохотных живых существ, собравшихся на свет.

Близко увидеть нерпу — случай редкий: она ведь очень пугливая. Я невольно залюбовался подводной красавицей. На этот раз, видимо, голод был сильнее страха. Нерпа чуть пошевелила ластами, когда я вытянул руку. А вот когда я дотронулся до нее, она в то же мгновение скрылась, замутив воду.

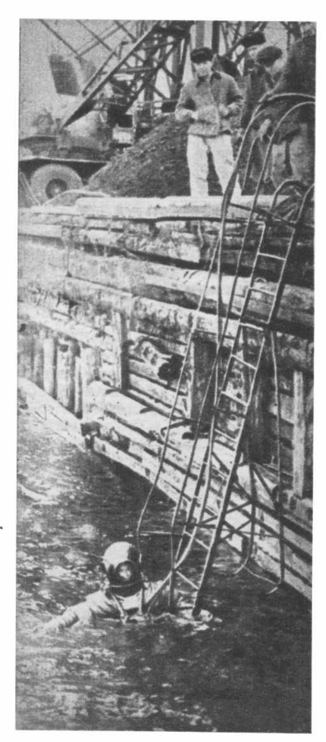
На следующий день, вновь опускаясь на дно, я думал о своей знакомой. И снова нерпа появилась неожиданно. Когда что-то темное загородило свет лампы, я сообразил: пришла гостья.

Привлеченная тусклым отражением стекла скафандра, нерпа близко подплыла ко мне, заглянула в смотровое окно своими выпуклыми черными глазами и (видно, я ей не очень понравился) сразу же отвернулась. Знакомство наше продолжалось и дальше. Нерпа ежедневно ждала меня. Едва я погружался на морское дно с лампой и начинал ремонтировать корпус корабля, как она подплывала со стороны моря и, слегка пошевеливая ластами, все ближе тянулась к лампе. Потом, почти прикоснувшись к лампе, она фыркала, выбрасывала из ноздрей фонтанчики воды и плавала вокруг до тех пор, пока я, окончив работу, не собирался наверх.

Когда ремонт подводной части корабля был завершен, матросы на берегу видели, как нерпа частенько всплывала у пирса. Она явно чего-то ждала. То ли меня хотела повидать, то ли соскучилась по сытному обеду под электрическим светом.

Н. ЗАЙЦЕВ

порт Баренцбург,
о. Шпицберген.

Водолаз Ю. Тимофеев опускается под воду в порту Баренцбург.

Фото автора.

Старейший преподаватель Нижне-Тагильского горнометаллургического техникума С. В. Серебренников (второй слева) среди учащихся.

Фото В. Демидова.

Светоч культуры на Урале

Однажды в декабре 1709 года в небольшой деревянный домик при Невьянском заводе пришли и робко уселись на скамьи несколько мальчиков. Это были дети крепостных известного уральского заводчика Никиты Демидова. Так началось первое занятие только что открытой по указу Петра Первого «цифирной школы».

Школа была создана, чтобы «работников добрых и смышленых к тому делу у домен и у руд и у угольного сжения учить». Полвека спустя Невьянскую цифирную школу преобразовали в Нижне-Тагильскую арифметическую школу, а вскоре — в горнозаводское училище, первое в России.

«Старейшим светочем культуры на Урале» назвал его известный русский ученый В. Е. Грум-Гржимайло, преподававший в училище.

Сейчас в Нижне-Тагильском горнометаллургическом техникуме более трех тысяч учащихся, в том числе две тысячи — на вечернем и заочном отделениях. Многие его воспитанники стали известными новаторами, учеными.

...В одном из зданий студенческого городка — музейный зал. Стены его увешаны портретами старейших учеников и педагогов. Тут и выдающийся техник Аммос Черепанов, и талантливый художник В. Худояров, и прославленный специалист прокатно-калибровочного дела А. Журавский... Есть в этом зале и уголок семейных фотографий. Поколение за поколением почти двести лет учились здесь династии Огарковых, Гореловых, Мокеевых, Дементьевых — потомственных металлургов. Сейчас только на одном Нижне-Тагильском металлургическом комбинате работает более тысячи воспитанников техникума. Вот почему его 250-летний юбилей отмечен в городе как большое народное торжество.

В честь юбилея Президиум Верховного Совета РСФСР наградил Нижне-Тагильский горнометаллургический техникум почетной грамотой.

А. ГРИГОРЬЕВ

Париж—Таллин

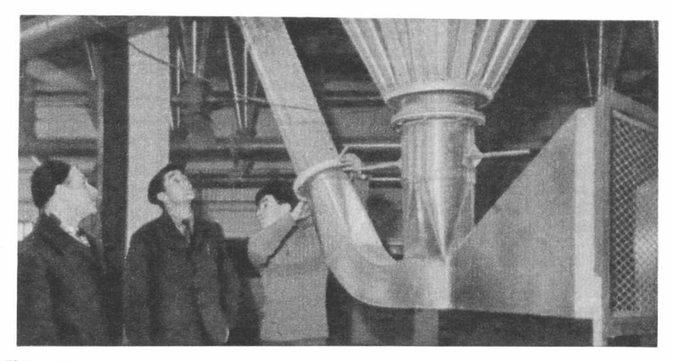
Морским путем, по железной дороге и на самолетах часто приходят грузы на Таллинский целлюлозно-бумажный комбинат имени В. Кингисеппа с одинаковым обратным адресом: «Париж, фирма «Сорис». На Таллинском комбинате построен новый цех, который называть цехом не совсем справедливо: это самый крупный в Европе новый завод кормовых дрожжей.

Как известно, для получения целлюлозы размельченную еловую древесину варят в химикатах. А бумага получается только из половины общей массы древесины: вторая половина еще недавно считалась «отходом производства».

Теперь из отходов целлюлозы химики стали производить богатую белками подкормку для скота — кормовые дрожжи. На многих целлюлозно-бумажных заводах нашей страны в послевоенные годы построены цехи кормовых дрожжей с высокопроизводительным отечественным оборудованием. На новый таллинский завод поставляется французское оборудование.

Сотрудник блока выращивания дрожжей Юло Мяэ показывает нам два корпуса нового завода: подготовительный и главный. В подготовительном корпусе отходы целлюлозы проходят очистку в баках, конусах, цилиндрах, кубах: здесь щелочи нейтрализуются, выдерживаются, отстаиваются, остывают — словом, становятся тем, что специалисты-химики называют «питательной средой». Затем питательная среда поступает в главный корпус. Там, в гигантских цилиндрах-инокуляторах, с питательной средой смешиваются дрожжевые грибки. Сразу же начинается процесс бурного роста дрожжей. Но это еще не все. Прежде чем превратиться в настоящие нормальные дрожжи — питательный сухой порошок,— надо еще пройти через демульгаторы, сепараторы, сушилки...

Н. ХРАБРОВА

Директор завода кормовых дрожжей Э. Ааринг, представитель фирмы «Сорис» Л. Хонвулт, инокуляторщик Ю. Мяэ осматривают оборудование.

Фото С. Розенфельда.

Сахарная зима

Сахарный, ослепительно белый снег лежит пушистыми комьями на темных ветвях шоколадной ели. Под елью за новогодним круглым столом сидит розовощекий дед-мороз. Рядом с ним такая же сахарная, румяная, милая снегурочка. Слева от снегурочки золотистая белочка: это уже сахар с шоколадом. Дальше зайчишки и другие зверюшки — тоже очень вкусные, сладкие...

А стол! Чего только не собрала на нем лесная скатерть-самобранка! Вазы, полные фруктов и ягод, зеленые огурцы из цветной карамели, бутылки с молочным ликером... Большую выдумку и изобретательность проявил Павел Трофимович Ляшенко — мастер Киевской кондитерской фабрики имени Карла Маркса — при изготовлении этого торта, присланного в павильон «Сахарная и кондитерская промышленность» на ВДНХ.

Здесь же и другой, не менее замечательный торт этой фабрики, «Генерал Топтыгин».

Много разнообразных изделий присылают на выставку кондитеры Москвы, Ленинграда и других городов.

М. МАКАРОВ

На стенде 1-й ленинградской кондитерской фабрики атомный ледокол «Ленин» из шоколада.

Фото Ю. Пясецкого.

Полет «Лунника» прослежен

Профессор
Бернард ЛОВЕЛЛ,
директор английской радио-астрономической
обсерватории Джодрелл бэнк

Телефон зазвонил 12 сентября сразу же, как только я пришел домой пообедать. Мне сообщили о запуске в Советском Союзе новой лунной ракеты. Пресса всего мира хотела знать, проследим ли мы путь ракеты с помощью нашего гигантского радиотелескопа в Джодрелл бэнк.

Радиотелескоп был занят другой важной работой; мы знали, что не было большой надежды найти и проследить путь ракеты, пользуясь только сообщениями информационных агентств из Москвы. Однако я договорился со своим помощником доктором Дж. Г. Дэвисом встретиться с ним вечером в Джодрелл бэнк и обсудить, что делать.

Днем я условился играть в крикет, поэтому мои последующие действия были весьма определенны. Я упаковал свой чемодан и, в то время как «Лунник-2» покрывал свои первые сто тысяч миль по направлению к Луне, наслаждался мирной обстановкой игры в крикет в английской деревне. Времени было больше чем достаточно.

Когда я вечером приехал в Джодрелл бэнк и отворил дверь общего отдела, я обнаружил на ленте машины «Телекс» телеграмму из Москвы. С помощью русского словаря мы вскоре перевели телеграмму. В ней специально для обсерватории Джодрелл бэнк указывались данные траектории «Лунника».

По сообщениям печати, поступавшим из Москвы, мы знали частоты, на которых работали радиопередатчики «Лунника». Теперь, когда мы располагали координатами ракеты, были все основания прервать обычную работу телескопа с тем, чтобы проследить траекторию движения «Лунника».

Мы установили телескоп в позицию, согласно указаниям, содержавшимся в телеграмме русских. Почти немедленно были засечены сигналы. Мы были довольны, что ракета оказалась там, где предсказывалось ее местоположение. Сразу же после полуночи мы перевели телескоп на работу по его обычной программе. Затем нами была послана телеграмма нашим русским коллегам, в которой мы благодарили их за предоставленные сведения и просили сообщить свои вычисления для следующего дня.

Мы собирались вновь засечь «Лунник» в воскресенье, в семь часов вечера,— на три часа раньше того момента, когда, по расчетам, ракета должна была достигнуть поверхности Луны. Вторая телеграмма пришла из Москвы как раз вовремя для того, чтобы мы смогли осуществить этот план.

Теперь мы начали испытывать некоторое беспокойство. Сигналы сразу не появились. Однако контакт постепенно улучшался. Как и накануне, мы нашли ракету именно там, где ее нахождение предсказывали русские.

К этому времени стали раздаваться многочисленные телефонные звонки: звонили со всех концов мира. Мы пытались переслать полученную информацию нашим американским коллегам с тем, чтобы дать им возможность принять сигналы при помощи своих собственных радиотелескопов. Американцам трудно было поверить, что мы принимали отчетливые сигналы, и я держал телефонную трубку трансатлантического кабеля перед нашим громкоговорителем с тем, чтобы они сами могли слышать «бипы» радиопередатчиков.

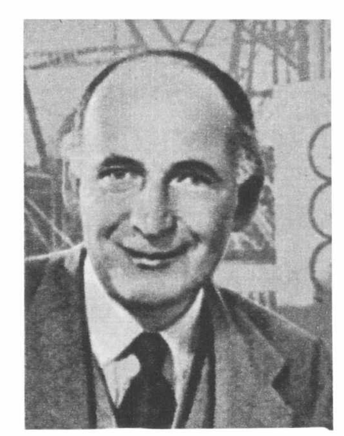
На протяжении всего времени сближения ракеты с Луной доктор Дэвис не прекращал изучения частоты поступающих сигналов. График движения, который он вычислил, ясно показывал, как возрастала скорость ракеты под действием сил лунного притяжения.

Напряжение усилилось к 10 часам; затем прошла еще минута, две минуты. Радиосигналы были все еще сильными и ясными. Через 23 секунды они сразу же прекратились без какихлибо признаков ослабления. «Лунник-2» ударился о поверхность Луны.

Что позволяет нам заявлять об этом с такой уверенностью? Факты не могут говорить ни о чем другом. Положение телескопа и характер кривой на графике показывали, что последние сигналы поступили, когда «Лунник-2» был на расстоянии 50 миль от поверхности Луны.

Точность прогнозов русских на 12 и 13 сентября была проверена, и, что является наиболее важным, график, составленный доктором Дэвисом, четко показывал, что ускорение за два последних часа было именно таким, какое следовало ожидать в случае встречи с Луной. График показывал также, что по крайней мере в течение двух последних часов ракета не находилась под управлением. Сигналы оборвались слишком резко — свидетельство, которое исключает предположение о прохождении ракеты мимо Луны.

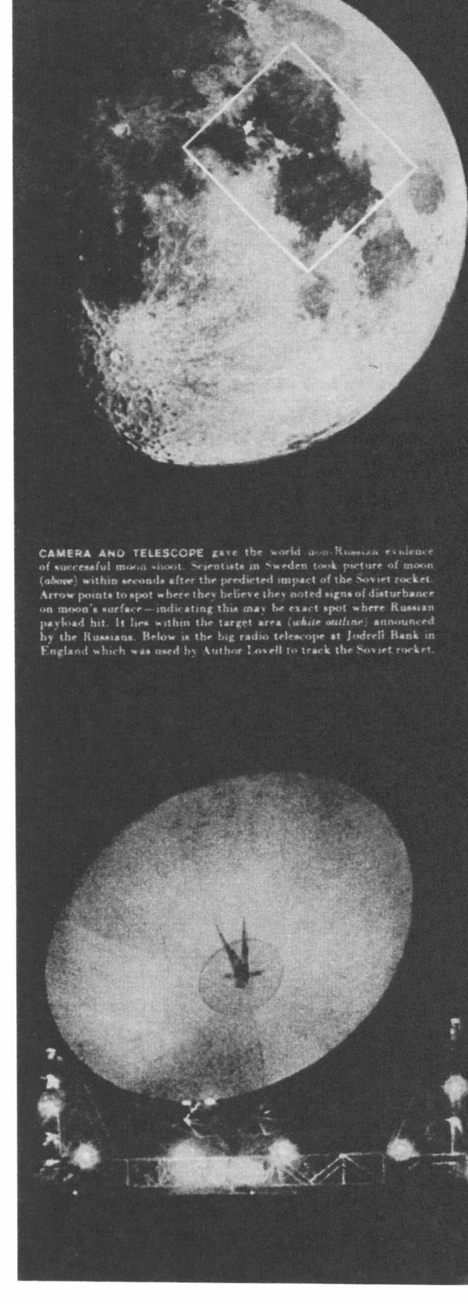
Анализ информации, полученной в результате наших наблюдений на Джодрелл бэнк, позволяет определенно говорить о том, что в течение последнего часа или около этого «Лунник-2» удвоил свою скорость. Двигаясь со скоростью семи тысяч пятисот миль в час, он ударился о поверхность Луны 13 сентября в 22 часа 2 минуты и 23 секунды по британскому стандартному времени.

Профессор Б. Ловелл.

Из журнала «Лайф» от 26 октября 1959 года.

Печатая эти фотографии, «Лайф» пишет: «Ученые в Швеции сняли Луну (верхний снимок) через несколько секунд после предсказанного времени встречи советской ракеты с Луной. Стрелка показывает место, где, как они полагают, ими были замечены признаки нарушений на поверхности Луны; они указывают, что это может быть именно тем участком, где пришелся удар ракеты. Он лежит в пределах района, определенного русскими (очерчен белой линией). На нижнем снимке изображен большой телескоп в Джодрелл бэнк, которым пользовался Б. Ловелл для наблюдений за траекторией полета советской ракеты».

КЛУБ «НА ОГОНЕК»

Герой Советского Союза Г. Седов.

Перед собравшимися на очередное заседание творческого клуба выступил Герой Советского Союза, заслуженный летчик-испытатель, лауреат Сталинской премии Григорий Александрович Седов. Он рассказал о том, как проверяются в воздухе новые конструкции самолетов, привел интересные примеры из жизни летчиков-испытателей.

В гости к «Огоньку» приехали также артисты театра-студии «Юность». Они показали веселые интермедии, задорные песни, танцы, шутки, фельетоны...

Первая программа студии построена так, чтобы дать возможность каждому из ее участников проявить свои способности. Заведующая литературной частью театра Л. Л. Голубина рассказала о работе студии. Жизнерадостное молодое искусство вызвало одобрение собравшихся.

Фото О. Кнорринга и А. Бочинина.

На снимках — гости «Огонька».

1. Программу ведут Вадим Реутов и Владимир Ухин.
2. Фельетон с трансформацией «По объявлениям» исполняет Михаил Злотников.
3. Михаил Ножкин читает фельетон «Ровесники».
4. Новые фокусы показывает Александр Василевский.
5. Светлана Лобищева и Валентина Варламова исполняют русские песни.
6. Песни советских композиторов поют Анатолий Соболев и Борис Кузнецов.
7. Маленький фестиваль. Танцевальная картинка Ким Ги Бона.
8. Танец румынских цыган — Галина Волошина и Виктор Сапожников.

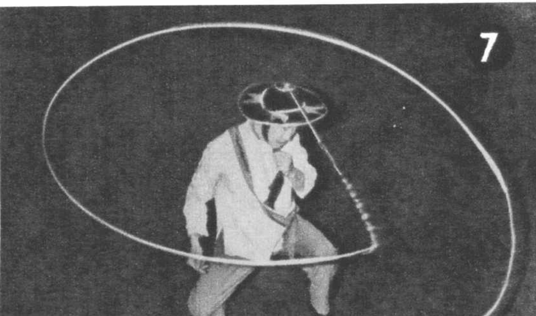

Две страницы для детей

Приглашения на елку

С. МАРШАК

Я приглашен сегодня...
Куда же? Угадай!
На праздник новогодний
В Дальневосточный край.

На елку пригласили
Меня в семью друзей
Читательница Лиля
И брат ее Сергей.

Пускай до Уссурийска
Не близко,
Не близко,
Пускай до Уссурийска
Не близко москвичу,—
Но я надеюсь все же,
Что к Лиле и Сереже
Я раньше или позже
На елку прилечу.

Но вновь письмо сегодня
Несет мне почтальон:
На праздник новогодний
В колхоз я приглашен.

У них в селе Малмыже
Есть и коньки и лыжи
И елку дед-мороз
Отличную привез.

Но третье приглашенье
Приходит за вторым.
Меня без промедленья
Зовут ребята в Крым.

Мне пишет их вожатый,
Что у большой горы
На берегу ребята
Зажгут свои костры.

Совсем я сбился с толку...
Шестой и пятый класс
Зовут меня на елку
Приехать к ним в Донбасс.

А так как быть повсюду
Не мог бы я — увы! —
То год встречать я буду
С ребятами Москвы.

Но счастлив я, что елки
Под праздник зажжены
Сейчас в любом поселке
Родной моей страны!

Корней ЧУКОВСКИЙ

ЗАГАДКА

Много этого добра
Возле нашего двора,
А рукою не возьмешь
И домой не принесешь.
Маша по полю гуляла
Собирала, собирала,
Поглядела в кузовок —
Там и нет ничего.

Отгадка: туман

ОТКУДА ПОЯВЛЯЮТСЯ ПРОДУКТЫ

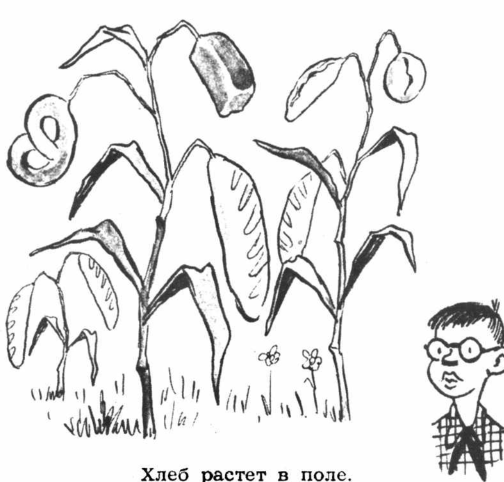
Молоко получают от коров.

Яйца несут куры.

Сало берут у свиней.

Хлеб растет в поле.

Как, ребята: не ошибается ли Петя Пуговкин?
Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

А. ГОВОРОВ

СОСУЛЬКА

Сильней пригревает
весеннее солнце —
с карниза капели
падают
звонче.
Большая сосулька,
что с крыши глядела, —
надулась
и вниз
полетела.
Подпрыгнув,
хотела подняться на крышу,
но ничего
у зазнайки не вышло.

ТУЧА

Пролетала туча
над селом,
уронила с кручи
снежный ком.
И тихонько очень
уплыла,
ласковую осень
увела.

ПОСЛЕ МЕТЕЛИ

Навалило
с неба
выше окон
снега.
Были б окна
выше,
я погулять бы
вышел.

Панку ЯШЬ

Рисунки Е. РАЧЕВА.

Случилось так, что эта большая новость в один момент облетела всю землю, и не прошло пяти минут, как я услышал стук в дверь.

— Кто там?

— Это я, Зайчик Длинные Уши Побежит Не Догонишь. Здесь живет мальчик, которого зовут Александр?

— Здесь. Войдите, пожалуйста!

Зайчик Длинные Уши Побежит Не Догонишь принес большой букет цветов и сказал:

— Слышал я большую новость и пришел поздравить Александра.— Он пожал лапкой руку Александра и несколько раз тряхнул ее.— Будь здоров, мальчик!

Но не успел уйти Зайчик Длинные Уши Побежит Не Догонишь, как снова послышался звонок.

Бегу к двери. Как вы думаете, кто это пришел с елкой в руках? Да никто другой, как Ежик Тысяча Иголок Дай И Мне Хоть Одну!

— Здесь живет мальчик, которого зовут Александр?

— Здесь, войдите, пожалуйста!

Ежик Тысяча Иголок Дай И Мне Хоть Одну вошел в комнату и сказал:

— Слышал и я большую новость и поспешил прийти.— Он обнял Александра и поцеловал его в обе щеки.— Браво, мальчуган! Расти большой! Я принес тебе елку, укрась ее к Новому году!

Но только вышел Ежик Тысяча Иголок Дай И Мне Хоть Одну, как я услышал телефон: цырр... цырр...

Густой и хриплый голос сказал в телефонную трубку:

— Алло! Это квартира, где живет мальчик Александр?

— Да!

— У телефона Медведь Широкая Лапа Кто С Ним Поздоровается Долго Помнить Будет! Александр дома?

— Да.

— Позовите его к телефону.

Александр приложил к уху телефонную трубку и услышал:

— Добрый день, мальчуган! Я тоже узнал большую новость. У меня были кое-какие дела, сам я не мог прийти, вот и звоню по телефону. Браво! Оставайся и дальше таким! Я попросил Медведицу Большую Мастерицу Печь Пирожки С Мясом испечь тебе слоеный пирожок.

Но не кончил еще Александр говорить по телефону, как явился почтальон с сумкой, полной писем, цветных открыток и телеграмм. Одно письмо пришло прямо из Африки, и вот что в нем было написано: «Я очень рад тому, что услыхал. Сердечно поздравляю тебя и посылаю с первым пароходом десяток апельсинов да еще один сверх того, в придачу». Подпись: «Маленький Крокодил Который Купается В Ниле». А на цветной открытке, которую тоже принес почтальон, на одной стороне была нарисована льдина, а на другой написано: «Привет и поздравления с Северного полюса! Я узнал большую новость и жму твою руку. Посылаю тебе бочку ванильного мороженого». Подпись: «Медведь Белый Как Сметана Всю Неделю Катается На Льду».

Была еще и телеграмма, присланная из далекой Индии. В ней было написано вот что: «Будь здоров! Горжусь тобой. Я хотел бы, чтобы мои дети поступали так же. Посылаю тебе рису, чтобы ты кушал его с молоком». Подпись: «Слон Величиной С Дом Ну И Что Же Из Этого».

Не успел уйти почтальон, как через открытое окно влетел Голубь Путешественник с конвертом, привязанным к ноге.

Я распечатал конверт, и вы знаете, что там было? Там лежало поздравление из Африки: «Будь всегда веселым! Живи сто лет! Поздравляет тебя Длинноногая Зебра В Полосатой Пижаме». И внизу приписка: «Посылаю тебе еще шоколаду. Кушай на здоровье!»

Как только улетел Голубь Путешественник, заговорило радио:

— Внимание! Мальчик Александр из Бухареста! Внимание! Говорит Австралия! Говорит Австралия! Маленькие и большие кенгуру горячо поздравляют тебя и дарят тебе два мотка шерсти. Пусть бабушка свяжет тебе теплую рубашку и варежки, чтобы тепло было на санках кататься. Внимание! Говорит Австралия! Говорит Австралия!

Весь мир, весь мир знает большую новость! Только Кот Лентяй Мягкая Шерстка не двигается с места, спит себе в комнате, в тепленьком местечке, и знать ничего не знает.

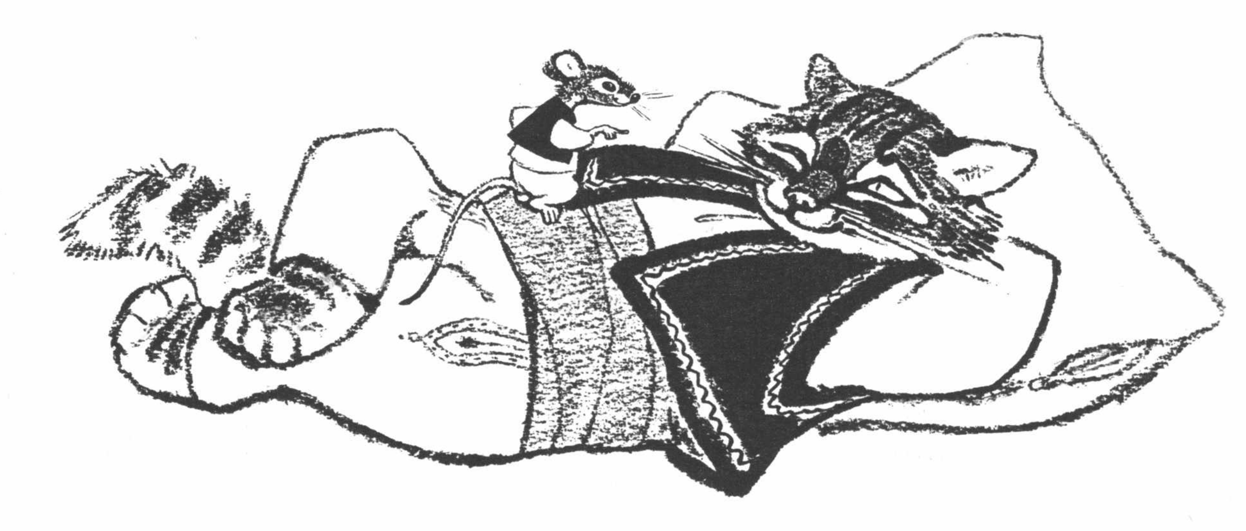
Услышал он шум и радостные голоса, потянулся, зевнул, почесал за ухом и спросил:

— А что такое случилось?

— Что? Как, ты не знаешь?— удивилась крохотная Мышка.— Александр сегодня первый раз сам надел башмаки, без помощи. Левый башмак на левую ногу, правый — на правую.

Вот и все!

Перевела с румынского Е. Покрамович.

ПОДУМАЕМ ПОГОВОРИМ ПОСМОТРИМ

Да будет так! Рисунок Гр. Оганова.

Четыре глаза

У берегов Бразилии и Гвианы можно встретить четырехглазую рыбу. На первый взгляд кажется, что у нее только два глаза. Но эти глаза разделены еще горизонтальной полоской. Роговая и радужная оболочки также делятся на две части. Зрачок двойной, но хрусталик только один. Устройство его весьма необычное: верхняя половина хрусталика плоская, а нижняя — выпуклая. Четырехглазка плавает у поверхности, наполовину выставляя из воды выпуклые глаза. Первая часть глаза разглядывает, что делается вверху, а нижняя половина видит дно.

А. РЕВИН

Что написано топором...

«Я как сторонник крепкой советской семьи в 1949 году разошелся с женой и полюбовно поделили детей. Я взял одного, жена двух».

«Через нашу Уфимскую дорогу идет большое количество грузов сельского хозяйства. В основном это запасные части для трактористов».

«Нормы вагонов нам были установлены во времена завоевания Очаковым Крыма».

«В нашем дворе стояла общая уборная. Наш сосед Якунин приобрел легковую машину и, чтобы построить для нее гараж, самосвалом снес уборную. Мы снова выстроили ее. Он снова снес. И так длится три года.

Помогите нам, потому что очень трудно жить без веры в справедливость».

«Окончательно распоясался и перевел свою свинью на курортное положение наш сосед Иван Чипанов. В середине нашего коммунального дворика вспахал лопатой место в земле длиною в полтора раза больше своей свиньи, влил туда несколько ведер воды, размесил ногами до жидкого состояния, получилось нечто похожее на грязевую ванну, загнал в нее свинью, и оба — и он и его свинья — в восторге».

«Дело в следующем. После операции в институте нейрохирургии скончался мой зять.

Все как будто началось хорошо.

Мы решили кремировать его, и нам выделили место в колумбарии. Но администрация отказалась украсить гранитную доску фотокарточкой на том основании, что покойник был иногородний. Извините меня, но это даже нелогично».

«Говорят, не было бабе хлопот, так купила порося. Для меня таким поросенком оказался телевизор КВН-49».

Собрала Е. ЦУГУЛИЕВА.

С КНУТОМ НА МЕДВЕДЯ

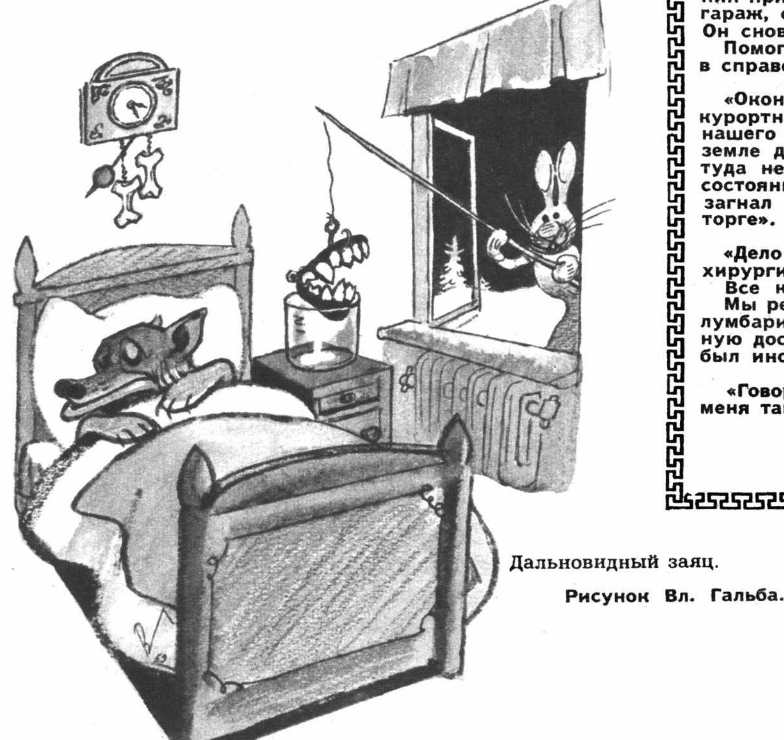
В Горьковской области с пастухом колхоза «Коммунар» Р. Сибгатулиным произошел необычный случай. Вот что он рассказывает:

— 6 августа я выгнал стадо в лес и недосчитался бычка и теленка. Я отправился искать их. Остановившись у большой сосны, стал закуривать, как вдруг увидел, что за телятами гонится медведь. Я растерялся, но, сообразив, что зверь сейчас настигнет теленка, ударил медведя кнутовищем по морде. Тот взвыл и бросился на меня. Я сунул кнут ему в пасть, но медведь все же подмял меня под себя и стал бить лапами. Падая, я упер кнутовище в землю. Это, видимо, и спасло меня. Вырвавшись из лап разъяренного зверя, я побежал к стаду. Медведь не преследовал. Почти три недели я лечился потом в больнице.

Мужественный поступок пастуха Р. Сибгатулина заслуживает награды.

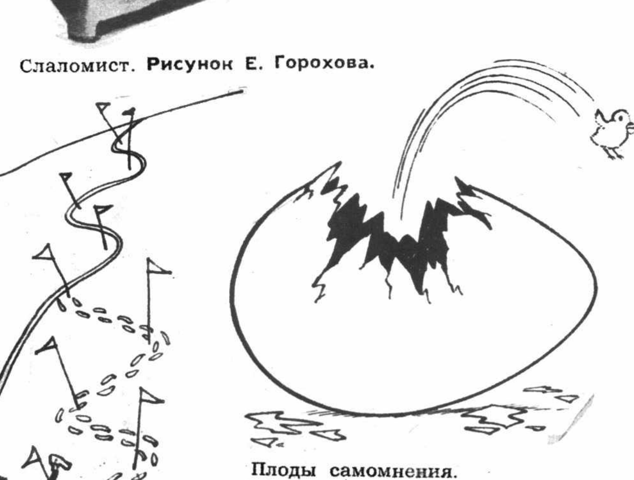
Ф. УХОВ, секретарь Шахунского РК КПСС

Решение шахматной задачи, опубликованной в № 1:
1. Лh3—h4

Дальновидный заяц. Рисунок Вл. Гальба.

Слаломист. Рисунок Е. Горохова.

Плоды самомнения. Рисунок Гр. Оганова.

Пробудившийся интерес. Рисунок Ю. Черепанова.

Предусмотрительность. Рисунок Вл. Гальба.

ЗНАМЕНИТАЯ СНЕГУРОЧКА

Борис **ЛАСКИН**

Рисунок М. Милославского.

— Квасов! К редактору!..

Услышав этот клич, Квасов со вздохом отложил перо. Новогодний очерк, над которым он прилежно трудился с самого утра, никак не получался.

— Вы меня вызывали? — Квасов вошел в кабинет редактора.

— Вызывал. Как дела?

— Пишу, Василий Васильевич, мучаюсь.

— Знаю я, что вы написали, — лукаво подмигнул редактор. — «Морозное дыхание зимы» — есть?

— Есть.

— Вот что, дорогой, — сказал редактор. — Вчера из Москвы вернулась Антонина Курганова, знаменитая наша прядильщица...

— Ясно, — оживился Квасов, — поехать на фабрику, взять беседу, рассказать о ее славном почине?

— Погодите, — сказал редактор. — Об этом и мы уже писали и центральные газеты. Вы понимаете, надо представить ее читателям не только, как говорится, в трудовом ракурсе, но и...

— В часы досуга, да? В личной жизни?

— А что? Я думаю, это будет интересно. Ей двадцать два года, она красивая, веселая девушка...

— Правильно, — кивнул Квасов, — все будет сделано. Разрешите идти?

— Погодите...— Редактор на секунду задумался. — Вы знаете, существует журналистская этика, чувство товарищества. Об этом, конечно, забывать нельзя...

— Разумеется, — сказал Квасов, вопросительно глядя на редактора, еще не угадывая хода его мыслей.

— Кроме нашей городской газеты, есть еще и областная газета...

— Понятно, — сказал Квасов, и в глазах его вспыхнули голубые огни.— Наша задача — вставить им фитиль.

— Ну, фитиль там или не фитиль, я уж не знаю, — улыбнулся редактор, — но мы должны выступить первыми. Может быть, я бы этого вам и не говорил, но сегодня около гостиницы я встретил Мизандронцева из отдела информации областной газеты. Вы его знаете. Мизандронцев зря не приедет. Не теряйте времени. Действуйте!..

Через полчаса Квасов вбежал в подъезд нового дома, где жила Тоня Курганова. Дверь открыла мать Тони, Анна Ивановна.

— Здравствуйте! Я из городской газеты. Могу ли я видеть...

— Не можете. В детский сад она ушла, в наш, фабричный. Елка у них нынче. Тоня Снегурочку изображать надумала.

— Грандиозно! Антонина Курганова — Снегурочка. Какой материал! Спасибо. До свидания.— И, прыгая через три ступеньки, Квасов устремился вниз по лестнице.

В детском саду, в просторном зале для игр, стояла украшенная елка. Вокруг разместились ребятишки, с нетерпением ожидая волнующего мгновения, когда, повинуясь волшебному взмаху посоха Деда Мороза, праздничная елка вспыхнет разноцветными огнями...

Тоня переодевалась в кабинете врача. В соседней комнате гример из фабричного Дома культуры, расставив баночки с гримом, бережно расчесывал окладистую бороду Деда Мороза, роль которого сегодня предстояло исполнить начальнику планового отдела Макарову.

Макаров тем временем ходил по коридору и старательно заучивал текст своего выхода:

— Здравствуйте, детишки, девчонки и мальчишки!.. Внимание минутку, не в шутку, а всерьез к вам пожаловал Дед Мороз!..

Квасов подошел к Макарову, увлеченному работой над ролью.

— Можно вас на минуточку?

— Не могу.

— Товарищ Макаров! — Квасов взял его под руку и деликатно отвел в сторонку.— Вы читаете нашу городскую газету?

— Что?.. — Макаров обратил на Квасова отсутствующий взгляд. — «Здравствуйте, ребятишки, девчонки и мальчишки!»

— Здравствуйте. Товарищ Макаров, если вам дорога репутация нашей родной газеты, вы немедленно должны пойти мне навстречу.

— Не понимаю... «Внимание минутку! Не в шутку, а всерьез...»

— К вам пожаловал Дед Мороз. Я уже в курсе. Товарищ Макаров! — Квасов делал отчаянные попытки вывести начальника планового отдела из милого его сердцу образа сказочного деда.— Газета должна выйти утром. Вы должны пойти мне навстречу. Через час я должен диктовать на машинку!..

Тоня уже надела усыпанный блестками сарафан и, посмотрев в зеркало, улыбнулась. «В таком бы виде да на совещании в Москве выступить!..»

В дверях появилась воспитательница.

— Снегурочка! Приготовиться! Сейчас выход.

Когда, встреченная аплодисментами, она вышла в зал, там уже стоял бородатый Дед Мороз. Он был в тулупе, перепоясанный алым кушаком, в высокой шапке, с посохом под мышкой и с фотоаппаратом в руках.

Тоня удивилась. Макаров стал выше ростом.

— Милый парнишка, а также девчурочка, к нам, понимаете ли, пришла товарищ... Снегурочка! — басом возвестил Дед Мороз.

«Другой текст», — отметила про себя Тоня.

А Дед Мороз щелкнул затвором аппарата, запечатлев нежный образ Снегурочки, после чего громко, с искусственной хрипотцой в голосе возвестил:

— Готов отдать в заклад свою бороду, что Снегурочка, так сказать, известна всему нашему городу... Э-э...

Не владея техникой стихотворной импровизации, Дед Мороз решительно перешел на прозу:

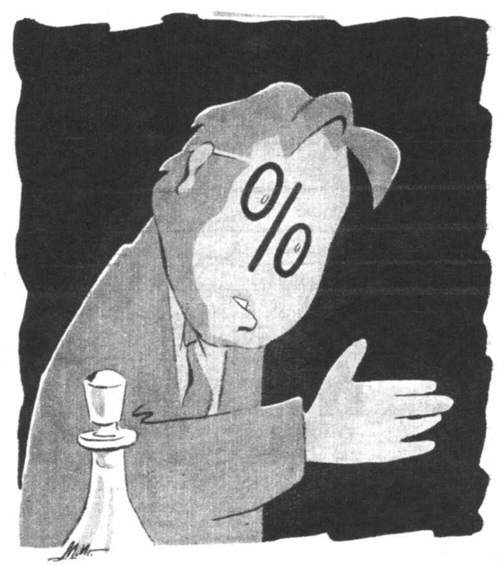
— Сейчас я вместе со Снегурочкой зажгу эту елку...

Дед Мороз взмахнул посохом, и елка засверкала разноцветными огоньками. Дети дружно зааплодировали.

— Товарищ Макаров, — тихо сказала Тоня, — я вас не узнаю.

— Я не Макаров, — торопливо сказал Дед Мороз. — Я сотрудник

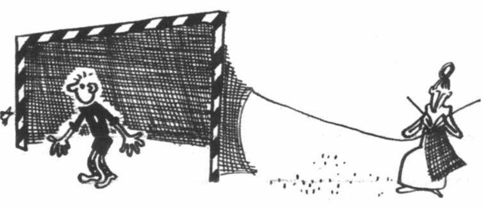
— По сравнению с прошлым годом количество влюбленных повысилось на три и восемь десятых процента...

Рисунок И. Массина.

←

— Чуть было не опоздал на космические гастроли!

Рисунок Ю. Черепанова.

БЕЗ СЛОВ.

Рисунок Д. Донева. Болгария.

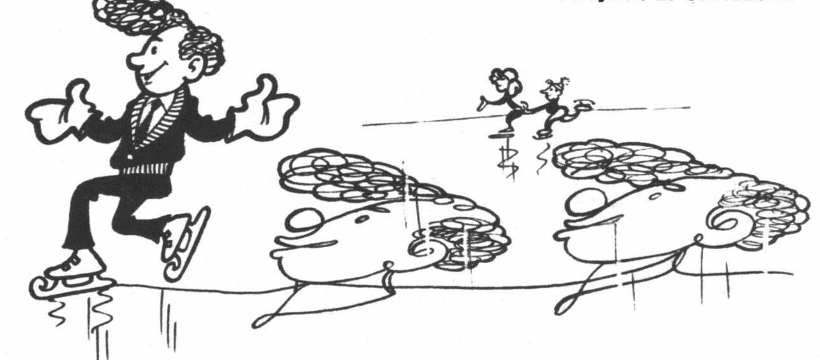

В цирк на елку.

Рисунок В. Соловьева.

Любимая фигура.

Рисунок Ю. Макаренко.

городской газеты Квасов. Не удивляйтесь. Я вам потом все объясню.

— Дед Мороз! Снегурочка! Расскажите нам сказку! — крикнул рыжий мальчуган, сидящий на ковре у самой елки.

— Мне вообще рассказывать особенно нечего, — сказал Квасов. — Я, так сказать, дед неподготовленный. Мы с вами сейчас попросим Снегурочку, и она расскажет нам много интересного и про Москву и про то, как она ездила в Прагу в составе советской делегации.

Вспотев под тяжестью тулупа, Квасов снял пушистый шарф и начал аплодировать.

— Просим!

— Хорошо, — спокойно сказала Снегурочка, — я вам расскажу, но сперва пусть нам Дед Мороз споет какую-нибудь песенку.

— У меня нет голоса, — сказал Дед Мороз.

— Это не имеет значения, — улыбнулась Снегурочка. — Пойте!

— Ладно. — Квасов задумался и вдруг затянул густым басом:

Милый друг, наконец-то
мы вместе,
Ты плыви, наша лодка, плыви...
Сердцу хочется ласковой песни
И хорошей, большой любви!..

Повторяя две последние строчки, Квасов увидел, как из-за елки торопливо вышел мужчина в сером костюме. Лицо его закрывала хищная маска волка. Из левого кармана пиджака торчал хвост. Серый Волк подошел к Снегурочке и, поклонившись, взял ее за руку.

— Дед Мороз! Дед Мороз! — закричали дети. — Серый Волк утащит Снегурочку.

— Не будет этого! — строго ответил Дед Мороз. — Сейчас мы ее выручим.

Подойдя к Тоне, он увидел, что Серый Волк о чем-то говорит ей, а она слушает и смеется.

— Попрошу Серого Волка удалиться, — сказал Дед Мороз.

— Если я удалюсь, то только вместе со Снегурочкой, — ответил Серый Волк и, услышав протестующий ропот аудитории, поднял руку. — Мы только кратко побеседуем, и она вернется.

— Снегурочка! Не ходи! — крикнул рыжий паренек. Умудренный опытом, он знал, что беседы с Серым Волком, как правило, ни к чему хорошему не приводят.

— Товарищ прав! — запальчиво сказал Дед Мороз. Узнав под маской Серого Волка Мизандронцева, он замахнулся на него посохом.— Сгинь, Серый Волк! Брысь отсюда!

— Брысь! — хором закричали дети. — Брысь!

— Спокойно! — сказал Серый Волк. — На этот раз я никого есть не буду. Я вегетарианец.

— Не верьте ему, дети! — сказал Дед Мороз. — Вы читали «Красную шапочку», вы прекрасно знаете, что волку верить нельзя.

— Серый Волк, прошу вас выйти,— смеясь, сказала Тоня.

— Если вы так ставите вопрос,— развел руками Серый Волк, — я могу уйти.

— А волки на задних лапах не ходят, — рассудительно заметила девочка с бантиками в косичках.

— Правильно, — сказала Снегурочка.

— Пожалуйста, — улыбнулся Серый Волк и, к полному восторгу ребят, на четвереньках вышел из зала.

— А теперь послушаем Снегурочку, — потирая руки, сказал Дед Мороз.

Тоня села на пенек, сделанный из обтянутой картоном табуретки, и начала рассказывать. Ребятишки, затаив дыхание, слушали очень интересную и веселую историю о том, что Снегурочка видела в Москве и в далекой Праге.

Дед Мороз проворно записывал рассказ Снегурочки.

Потом, когда в зал прибежали Лисичка и Зайчики и завели хоровод, Дед Мороз пожал руку Снегурочке и, поклонившись ребятишкам, вышел.

Уже уходя, он увидел в коридоре Мизандронцева. Тот стоял у окна, сдвинув на затылок волчью маску, и нервно барабанил пальцами по стеклу.

— Привет, товарищ Мизандронцев, — весело сказал Квасов, — с наступающим вас!

— Спасибо, — не обернувшись, ответил Мизандронцев.

Квасов вышел на улицу и, облегченно вздохнув, запел:

— Нам не страшен Серый Волк, Серый Волк, Серый Волк!..

БЛАГОЧЕСТИВАЯ

Все это приносило доход М. Е. Персис.

Фельетон

Алла ТРУБНИКОВА

Рисунки Б. ЖУТОВСКОГО.

К пожилой, одетой в серое женщине привыкли, как к церковной утвари. Ее согбенную фигуру можно было видеть в костеле девы Марии города Даугавпилса каждую мессу неизменно на одном и том же месте.

Среди верующих шел слушок, что Марианна Егоровна Персис, владелица трехэтажного особняка под номером 82 по улице Виестура, сподобилась благочестием своим стать кандидатом на райскую жилплощадь. И один только сторож костела Адам Урбанович относился к ее молитвам более чем скептически.

— Похоже, что не долетают твои прошения до небесной канцелярии! — брюзжал он, позвякивая связкой ключей.— Умирают-то по-прежнему мало. Родится, правда, младенцев изрядно. А толку что? Рожден, да не крещен. Эх, прошло, видать, времечко, когда родись, крестись, женись, умирай — за все свечку подавай! Сколько мы с тобой за прошлуюто неделю выручили?

Марианна только поджимала губы. Пусть себе ворчит! Она-то знает, что на свечках не прогоришь. Доходец изрядный приносят. Конечно, грешно отказываться от бо̀льшего. Да откуда же ей вдруг посыпаться, манне небесной?

Но вот однажды в голову пред-

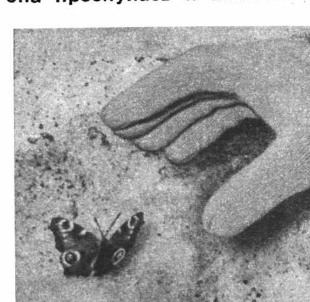
НОВОГОДНИЙ СЮРПРИЗ

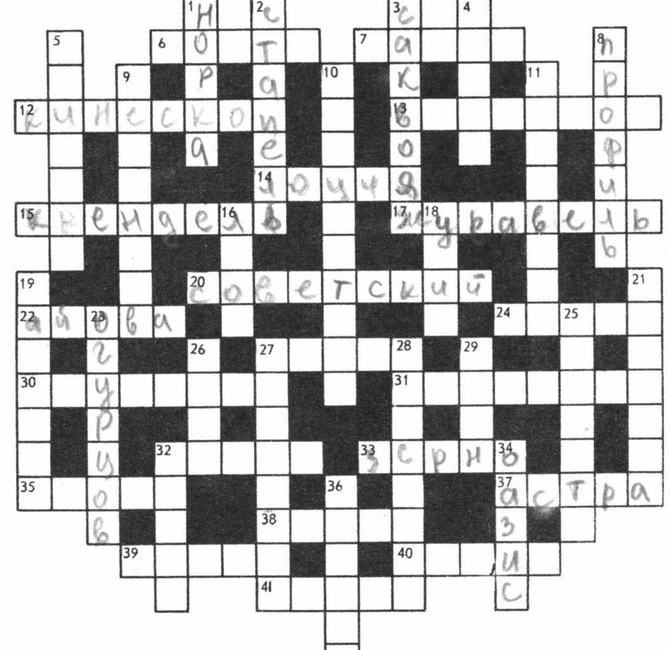
После морозов в Москве перед Новым годом наступила оттепель. Возвращаясь с лыжной прогулки, я увидела на дереве около своего дома летнюю гостью — бабочку «павлиний глаз». Бабочка полетела, но я ее поймала. В теплой комнате она совсем ожила и начала биться о стекло. Бабочка оказалась живучей и выдержала переезд сначала на место работы, а затем в редакцию.

Л. КУЗЬМИНА,
сотрудница Института автоматики и телемеханики

Доктор биологических наук профессор Николай Николаевич Плавильщиков сказал нам:

— Очевидно, бабочка зимовала на чердаке, вблизи дымохода, или под самой крышей, а когда потеплело, она проснулась и вылетела.

КРОССВОРД

По горизонтали:

6. Яркая малая планета. 7. Автор песни «Смело, товарищи, в ногу!..» 12. Трубка телевизора. 13. Русский комический актер. 14. Пособие по навигации. 15. Витая булка. 17. Русский танец. 20. Лунный горный хребет. 22. Штат в США. 24. Персонаж комедии Мольера «Плутни Скапена». 27. Лососевая рыба. 30. Сорт яблони. 31. Образцовое произношение. 32. Театр Парижа. 33. Семена хлебных злаков. 35. Роман Т. Драйзера. 37. Цветок. 38. Чувашский поэт-песенник. 39. Холод. 40. Серебристо-белый металл. 41. Собрание ценных коллекций.

По вертикали:

1. Пушной зверек. 2. Площадка для постройки и спуска судов. 3. Дорожная сумка. 4. Залив Средиземного моря. 5. Лауреат международного конкурса имени Чайковского. 8. Очертания предмета сбоку. 9. Ученый, участник составления плана ГОЭЛРО. 10. Гармоника. 11. Мастер по измерительным приборам. 16. Город в Мексике. 18. Лист гороха. 19. Кормовое растение. 21. Птица семейства воробьиных. 23. Герой кинокомедии «Карнавальная ночь». 25. Доброе, отзывчивое отношение. 26. Перекрытие. 27. Предельная краткость. 28. Советский художник-плакатист. 29. Гора в Греции. 32. Электронная лампа. 34. Название антарктической станции. 36. Жилище животных.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 1

По горизонтали:

3. «Либерал». 6. Казань. 7. Долгий. 8. Мечта. 11. Труд. 13. Золя. 14. Фигаро. 16. «Перець». 20. Парка. 22. «Золушка». 23. Розарий. 25. Присыпкин. 27. Родонит. 29. Каравай. 30. Арена. 31. Недотрога.

По вертикали:

1. Фильм. 2. Панда. 4. «Тартюф». 5. «Витязь». 9. Европа. 10. Трепак. 12. Джаз. 13. Заря. 15. Иркут. 17. Цукат. 18. Атомоход. 19. Стилобат. 20. Пари. 21. Арык. 24. Вымпел. 25. Пингвин. 26. Нервюра. 28. Тамада. 29. Капрон.

МАРИАННА

приимчивой главы подпольной свечной фирмы «Персис и К°» пришла некая мысль.

— А что, если и на других религиях подработать? — осведомилась католичка у своего единоверца, заранее готовясь к сокрушительной отповеди за кощунство.

Но Адам не сопротивлялся.

— Благословясь, не грех,— сощурился Урбанович.— Не забудь только: как к православным зайдешь, крестное-то знамение не слева направо, а справа налево махай. А у старообрядцев вместо трех перстов два гни.

— За кого ты меня принимаешь?! — обиделась Марианна.— Понятно: к кому еду, тому и молюсь!..

И стали поступать партии свечей «благочестивой католички» в окрестные церкви, а затем в церкви Украины, Белоруссии, Литвы. Теперь уже круглые сутки клокотал воск в котлах, установленных в подвале дома Персис. Не успевали застывать в формочках свечи. Готовый товар лежал штабелями. И сбытом его занимался уже не один агент-хранитель Адам Урбанович, а целый штат уполномоченных и самих отцов церкви. Под покровом ночи, когда и сутану от рясы не отличишь, покряхтывая от тяжести, волокли на себе свечные охапки и наставник Кривошеевской старообрядческой общины Иван Григорьев, и священник православной церкви деревни Московская Петр Леонов, и ксендз Гренденского прихода Бернард Кублинский, и другие...

— Побойся бога, скинь малость! — пробовал было поторговаться новый клиент.— Ведь кило парафина всего три рубля стоит, а ты нам килограмм свечей за пятьдесят целковых сплавляешь!

— Так ведь библия учит, что бог за отданное ему воздаст сторицей,— смиренно возражала Марианна, перебирая четки, на которых имела обыкновение вести счет не только отвешенным поклонам, но и отпущенным пачкам. И при этом лукавая улыбка кривила ее губы: уж она-то знала, что, и помимо нее, много находится охотников заработать на боге. Скупленные оптом свечи служители культа перепродают в розницу и с лихвой возвращают свои денежки.

Теперь игра, которую вела ханжа, стоила свеч. Вернее, свечи стоили этой игры. Но недаром говорится, что аппетит приходит во время еды. И вскоре Персис перестала довольствоваться одними свечами. Начала поторговывать четками и ладаном. Печатать литографии сама не стала, а предпочла покупать их у одних и перепродавать другим.

— Да этой бороде за глаза два с полтиной хватит! — торговалась она с продавцом, небрежно сваливая в кучу литографированные лики.— Получай за всех святых три сотенных.

Так бывало утром. А вечером, когда приходил покупатель, дело принимало другой оборот.

— Дорого? Зато в бороде сколько благолепия! А этого святого разве по носу не узнаешь? Нет, меньше десятки не пойдет!

Бойко шла торговля и четками, и вазелиновым маслом для лампад, и крестами. Как-то появились ходоки даже от секты самобичующихся.

— Гибнем, матушка! Хлестаться нечем! Выручай!

Сердобольной Марианне Егоровне стало жаль их до слез. Выручила болезных — продала им кнуты для скота. Сойдет под горячую руку.

В иные минуты, распростершись перед образом, пускалась она в откровения:

— Ну, сам посуди, владыка, какие там барыши? Сам видишь: ради святого дела радею. Разве это грех? Другие черноземом в коробочки напихивают и за кусочки египетской тьмы продают. Слезы твои из-под водопроводного крана в пузырьки нацеживают. А я что? Ради веры усердствую! И что у старухи за деньги? Все копеечки!

Так сетовала она в полной уверенности, что никто не узнает про надежно спрятанные в поленнице «копеечки» — золотые монеты царской чеканки. Нет, зря думают некоторые, что, когда сгорает свечка, от нее ничего не остается. Пока свечки Персис сгорали, у старухи накапливались десятки тысяч рублей, отрезы, меховые шубы, несколько часов с бриллиантами, хрусталь, серебро и многое, многое другое. Казалось бы, чего не хватало «благочестивой»? А она нет-нет да и запечалится о старых временах, когда ее, владелицу крупного магазина церковных принадлежностей, буржуазное правительство старой Латвии пожаловало золотым крестом «За усердие».

А теперь «усердие» ее того и гляди вознаградят милиция и народный суд.

Но ханжа знает, что наказание за спекуляцию небольшое. И она опять будет старательно выводить: «Ave, Maria, богородица, дева, радуйся!»

НА ОХОТНИЧЬИХ ТРОПАХ.
Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА.

А чему, собственно, богородице радоваться? Разве что прибылям Марианны Егоровны Персис!

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: Б. В. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. А. КУДРЕВАТЫХ (заместитель главного редактора), Л. М. ЛЕРОВ, Д. Т. ЛОБАНОВ, И. Ф. ТИТОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление В. Епанешникова.

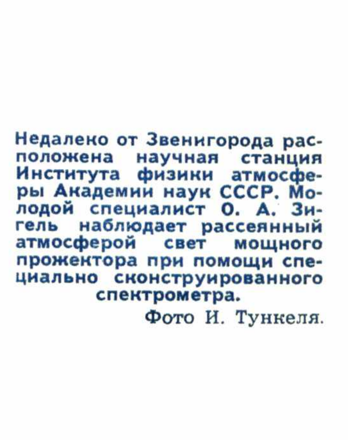
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-59.

А 01084. Подписано к печати 6/I 1960 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л.— 6,85 печ. л. Тираж 1 700.000. Изд. № 3. Заказ № 2987.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 3 руб.

Недалеко от Звенигорода расположена научная станция Института физики атмосферы Академии наук СССР. Молодой специалист О. А. Зигель наблюдает рассеянный атмосферой свет мощного прожектора при помощи специально сконструированного спектрометра.

Фото И. Тункеля.